

Екатерина Боброва

Ледяная княжна

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Одна княжна, двое северян и наемник-южанин. У каждого своя жизнь, свои цели и своя правда, но приграничье свело их вместе, определив путь через истерзанную войной страну, добавив для скорости некромантов с мертвецами и пустив для уверенности по пятам Тайную канцелярию. Да, еще и повстречавшаяся мечта детства, оказалось, имеет свой непростой, ледяной характер и совсем не нуждается в романтических чувствах юной княжны. И что остается? Мечтать о пирожном с заварным кремом, давясь сухпайком северян, или о кружевном платье, проваливаясь по колению в болото? А еще надеяться, что северная родня деда, до которой нужно обязательно добраться, примет свою южную родственницу и не прогонит прочь.

Екатерина Боброва

Ледяная княжна

© Боброва Е. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Глава 1

Начало пути

Мое имя Айрин Лэриш Таль-Сорецки. Мать зовет меня Лэриш, отец с братом Риш, дед, когда был жив, всегда звал Айрин. На севере это слово переводится как «ледяная роза» – редкий цветок, расцветающий у подножий ледников, и брат, когда мы с ним ругаемся, частенько обзывает меня колючкой. Я бы много отдала, чтобы вновь услышать его голос.

Таль-Сорецки – княжеский род. Мой дед происходил из северных князей. Он приехал в нашу страну послом, да так и остался, сраженный красотой моей бабушки. Северная родня побушевала, погрозила отлучением от семьи, но затем смирилась. Деду даже титул оставили, лишив права наследования состояния семьи. Мой отец не слишком огорчился, женившись на красавице-графине, причем по большой и чистой любви.

От их брака родились мы: я и мой брат Толир. Брат целиком пошел в мать: широкоплечий, черноволосый – типичный шарналец, а вот я уродилась в отца и деда.

«Ледяная», – шептались за спиной соседи. «Ледяная?» – допытывались друзья. Я и сама не знала, кто я. Светлые до снежной белизны волосы, тонкие черты лица, бледная, фарфоровая кожа, даже летом не темнеющая от загара, огромные голубые глаза.

«Моя ледяная роза», – улыбался дед, глядя меня по волосам.

«Как бы не было беды от такой красоты», – сокрушалась бабушка. Она покинула нас полтора года назад. Дед, разом постаревший лет на десять, тихо угас вслед за ней. Я сильно горевала по нему, стыдно признаться, даже больше, чем по бабушке. Дед всегда был рядом, сколько я себя помнила, он рассказывал сказки, подбадривал, давал советы, а еще учил.

Хорошо, что его прибрал Трехликий и он не застал того, что творится сейчас.

Ледяная ведьма – это приговор. От него не спасает ни красота, ни высокое положение. Если в стране объявлена охота на ведьм – спасайся кто может... и куда может.

А началось все три с половиной месяца назад, когда наш король решил, что пора восстанавливать историческую справедливость, и объявил войну северному соседу. Повод... хм, может, он и был, только кто теперь разберет, действительно ли стреляли на границе или это была провокация? Разом всплыли исторические документы о прежде единой Шарналии, которую четыре поколения назад разделили между близнецами-наследниками. Тогда это казалось наилучшим вариантом избежать междоусобной войны. Тогда, но не сейчас.

Профессора, летописцы и много всякого ученого народа чуть ли не хором утверждали, что прапрадед нашего короля был рожден первым, а значит, имеет неоспоримые права на всю страну, а не только на половину. Все газеты и ведомости, казалось, тогда состояли из одних только рассуждений о близнецах и ошибках их родителей.

Мне по большому счету было все равно, на какую часть Эдгард Третий имеет больше прав, но разве мнение княжны, даже не наследной и тем более ни разу не великой, кого-то интересовало?

Северная Шарналия реагировала сдержанно, пытаясь по дипломатическим каналам достучаться до разума нашего короля. Надо ли говорить, что эти попытки полностью провалились? Когда разум затуманен жаждой власти и славы, есть ли в нем благоразумие? Нет.

Эдгард Третий так и ответил на попытки примирения: «Мы долго терпели

несправедливость. Пришла пора восторжествовать истине. Мы вернем себе наши земли».

Истина пришла в земли соседей, грохоча сапогами по мостовым, гремя разрывами снарядов и шелкая свинцовыми пулями, она пахла кровью, порохом и смертью. Она смеялась в лицо умирающим шарнальцам, собирая кровавую дань.

За два месяца до начала лета наши войска прокатились по стране, подмяв под себя ее треть. Газеты захлебывались от радости, визжали на улицах проповедники нового мира и порядка, мира, где наша страна станет центром, поставив всех остальных на колени.

Победы действительно заставили соседей отнестись к нам более уважительно. Договоры о мире и военной взаимопомощи заключались с невиданным успехом. Южные и восточные соседи спешили уверить в своей лояльности, отделяясь от обязательств парочкой отрядов или кораблей. А мы ломались на север, захватывая один город за другим, строя блокаду с моря и закатывая невиданные балы и попойки во дворце, обмывая каждую победу.

Когда все изменилось? Точно не скажу, просто в один день радостный визг о наших победах перестал быть таким надоедливым, зато утроилась слащавость речей о величии и уме нашего драгоценнейшего короля.

А затем пришел приказ о повальной мобилизации. Всех. Невзирая на титулы, лица и прочие заслуги перед отечеством.

И разом пусто стало в доме. Нам оставили несколько старых слуг да подростков, которым не по силам было держать оружие в руках. В одночасье мир стал другим. Из него исчезли легкость, уверенность и надежность. Я ходила по пустым комнатам, вспоминая наше прежнее, беззаботное житье. Наши веселые балы, пикники и теплые семейные ужины.

По возрасту меня давно следовало сосватать, как-никак семнадцать стукнуло, к восемнадцати подбираюсь, но две смерти, одна за другой, и траур, объявленный по этому поводу, продлили мою свободу. Война же вовсе убрала этот вопрос из моей жизни. Мама по привычке пыталась рассуждать о перспективных молодых людях, но похоронки, приходящие в дома наших соседей, делали эти разговоры бессмысленными. Война не щадила никого, не делая исключений между графом или простым крестьянином.

Эти дни мы жили новостями с фронта. Война еще не вошла в наш дом, она угрюмо топталась у порога, а мы притворялись, что не слышим ее тяжелого дыхания, не видим злобного оскала за окном. Мы вставали, улыбались за завтраком, подбадривая друг друга, а сами с замиранием сердца прислушивались: не раздастся ли звонок в дверь, а следом испуганный вскрик горничной, и не ляжет ли могильным камнем на стол похоронка.

Новости с фронта с трудом прорывались сквозь ложь газетных страниц. Наши завязли под Гороховцем, отступили от Вэльмы. Особо тяжелые бои шли за реку Орежу. Убитые, раненые. Сколько? Слухи множились, ужасая цифрами.

Дзинь! Чашка с кофе выпала из маминых рук, заливая белоснежную скатерть уродливым пятном. Вестник, который она держала в руках, мелко задрожал, опустился на стол. Мама подняла на меня побелевшее лицо, в черных глазах застыл ужас, бледные губы зашевелились, точно она пыталась что-то сказать и не могла. Пара глубоких вдохов.

– Собирайся, – выговорила наконец, – мы срочно уезжаем. Укроемся у Риштеров.

– Зачем? – Я недоуменно подняла брови. Солнечное теплое утро, по-летнему яркое и сочное, несмотря на начало сентября, никак не вязалось с тревогой. Оно, как и я, не понимало, куда, зачем, а главное, почему нам требуется срочно сорваться с места.

Взгляд скользнул по вестнику, брошенному на стол, зацепился за заголовок.

Я развернула газету к себе.

«Семьи предателей должны быть уничтожены!» – красовалось на первой странице. Мне хватило пары минут, чтобы пробежаться глазами по статье.

Четыре разделенных поколения – не такой уж большой срок для родственных связей. Один язык, одни обычаи заставляли аристократические семьи искать женихов или невест в Северной Шарналии. И теперь эти межгосударственные браки грозили обернуться настоящей бедой.

– За тобой придут, я знаю.

Я тоже это знала. Мое имя будет внесено в первую сотню на зачистку. Отец, брат? Страх холодной змеей обвился вокруг сердца. Мы даже не уверены, живы ли они сейчас. Последнее письмо от отца получено две недели назад. Коснется ли их зачистка, или это лишь способ взять родственников северных шарнальцев в заложники, чтобы те подняли бунт против своих? Если даже и так, ход глупый и рискованный. Знать скорее разозлится и станет мстить, чем будет плясать под указку южан.

Быстро глянула на дату вестника – двухдневной давности. Сколько времени понадобится, чтобы приказ дошел до ближайшей Тайной канцелярии? День. Еще день на поиск нужных людей – я же ведьма, и без магов ко мне побоятся сунуться. Значит, арест сегодня. Ближе к обеду.

Зло улыбнулась. Живой я им в руки не дамся.

Мама тоже просчитала дату, подняла на меня беспомощный взгляд:

– Сегодня.

Я кивнула. Сейчас девять. Наш тучный губернатор встает не раньше одиннадцати. Приказ приказом, но в отсутствие местных властей арест благородной особы производить не станут. Свои же потом заключают. Вот если бы вначале меня королевским указом титула лишили, тогда другое дело. Отряд стражников, и повязали бы, как простую крестьянку, без лишних сантиментов.

Пусть самое позднее к десяти они добудятся губернатора, тот все равно без завтрака никуда с места не двинется, итого одиннадцать. Еще полчаса, чтобы добраться от Танилграда до нашего дома. У нас часа три, не больше.

Пока рассуждала, мама поднялась с места, обошла стол. В руках блеснуло лезвие небольшого кинжала – подарок свекра, с которым она последнее время не расставалась, нося на поясе.

– Прости. – Взмах руки, и исчезла тяжесть на затылке, голове стало легко-легко, а на шею упали обрезанные пряди. – Я сожгу ее. – Мама отступила, крепко держа в руке мою косу.

Сердце болезненно сжалось. Обрезать волосы – это словно потерять честь. Стать падшей, преступившей закон. Хотя какая разница? Я уже вне закона.

– Тебе придется уйти одной. – Голос у мамы тихий, но решительности в нем на целую графиню.

– Нет! – Я вскочила со стула.

– Послушай, – в ее черных глазах боль и застывшая решимость, – им нужна ты, и только ты. Наверху в чулане старая одежда Толира, оденься, сойдешь за мужчину.

– Но, мама!

– За меня не переживай. Я справлюсь. Они не посмеют тронуть Рель-Эльтари, а если и посмеют, у моего отца хватит влияния, чтобы заступиться за свою дочь, но вытащить еще и

тебя...

Она замолкла, продолжать не было необходимости. Мы обе понимали почему. Достаточно одного взгляда на мое лицо для вынесения приговора: ледяная ведьма.

Боль вгрызалась в сердце, мне стало тяжело дышать.

– Я не брошу тебя здесь!

– Не глупи! – рассердилась мама и отвернулась, чтобы скрыть выступившие слезы. – Подумай об отце! Что с ним станет, если тебя арестуют?

– А если тебя?

– Айрин! – Она повысила голос. – Не будем тратить время на глупые разговоры, тебе оно понадобится, чтобы уйти, если я не смогу их задержать. Живо наверх. Много не бери. Коня, скорее всего, придется бросить.

Мы специально не говорили, куда я должна бежать. Риштеры, конечно, хорошие друзья и не отказали бы в приюте, но у них трое детей, и подставлять их под удар – последнее дело. Моя цель значительно дальше. Я могла бы отправиться на юг, бежать в Лихляндию или в Тардию, но в обеих странах у меня нет ни родственников, ни знакомых. Да и не по душе мне их знойный, душный и пыльный климат. Границы Жардении ближе всего к Танилграду, но там ледяную ведьму станут искать в первую очередь.

Я поднялась наверх, с трудом открыла дверь в чулан и вошла в темноту. Дернула за веревку, включая свет. Вот и сундук с вещами брата. Я откинула тяжелую крышку. Наверху лежали рыбацкая куртка и штаны, и от накативших воспоминаний защипало в глазах.

Залитая солнцем река, блестящая рябь на воде, лодка, и мы с Толиром вдвоем.

– Клюет!

– Вижу.

– Подсекай. Да не дергай так, дай повисеть на крючке. Теперь медленно подтягивай.

Темную воду вспенивает блестящая рыба, и на солнце сверкает россыпь чешуек с золотым отливом. Моя первая серьезная добыча! Рыба смотрит одним глазом, лениво перебирая плавниками, словно раздумывая, позагорать еще или уже пора удалиться, а затем резко уходит на дно.

– Держи, не отпускай!

Удилище сгибается в дугу, струной натягивается леска и обрывается с тихим звоном. Ушла.

Я отогнала воспоминания – не время. Быстро отобрала пару штанов, свитер, три рубашки, теплый плащ и один тонкий, про запас. Ботинки и белье возьму свои. Из чулана отправилась в свою комнату: перебинтовать грудь, надеть рубашку, заправить в штаны, подпоясаться кожаным ремешком, пристегнуть собственный короткий меч и сразу почувствовать себя уверенней. Мысленно поблагодарила деда за военную науку. С другой стороны подвесила кинжал, на ноги надела высокие сапоги для верховой езды. Наверх плащ, на голову трилби.

Взглянув в зеркало, я недовольно скривилась. Меня выдавало лицо. Слишком нежная и белая кожа, тут нужны дорожная пыль и пара ночевок в лесу. Умываться в дороге не буду.

Побросала в мешок еще с десятков нужных вещей, включая веревку и леску с крючками, завязала горловину. Бросила последний взгляд на свою любимую комнату. Вернусь ли сюда? Кто знает...

Проглотила комок, вставший в горле, рукавом вытерла глаза. Пора.

Спустилась вниз. Из кухни шагнула мама:

– Твоего Орлика уже оседлали. Слуги знают, что ты отправляешься в гости к Лустэрам на пару деньков, немного развеяться. Проводить тебя не смогут, свиньи опять вырвались из загона. Так некстати. Я всех отправила их загонять, пока огород не вытоптали.

Я понимающе хмыкнула. Мама умеет устраивать все наилучшим образом, этого у нее не отнять.

– Держи, – она протянула еще один мешок и две скрутки, – здесь еда, одеяло и отцовский плащ. Пригодится для ночевки в лесу.

Я поморщилась. У меня были деньги, и ночевать я вполне могла в трактире, но мама права, первое время в людные места соваться не стоило. Ориентировки расходятся быстро.

– И еще... – В мои руки лег маленький деревянный, но увесистый ящичек.

Потянула на себя крышку – внутри на бархате лежал револьвер: инкрустированный ствол, накладки из красного дерева на рукоятке. Красота!

– Береги себя, дочка! – Голос у мамы дрогнул, в глазах заблестели слезы. – Я буду молиться за тебя Трехликому. Прошу, будь осторожна, не рискуй.

Ненавижу прощания! Тем более такие, когда не знаешь, вернешься, да и останешься ли в живых?

– Я дам знать, когда...

– Нет! – Она покачала головой. – Если мы проиграем, северные все равно останутся врагами. Если выиграем, врагами станем мы. Так уж вышло, дочь, тебе лучше будет среди них. Езжай, не рви сердце. Еще немного, и я тебя никуда не отпущу.

Выехав через заднюю калитку, я сразупустила Орлика в галоп. Проскакала через поле, оглянулась на холм. С вершины спускалось пылевое облако. Невольно восхитилась упорством агентов Тайной канцелярии. Подвигнуть губернатора выехать из дома раньше десяти утра?! На это мало кто способен.

Оглянулась в последний раз на стены родного дома, белеющие сквозь стволы старых яблонь, и направила коня в чащу леса. Впереди бежала знакомая тропинка, пахло разнотравьем, прелой листвой и грибами. Чернели ягоды, красными и желтыми пятнами высывались шляпки грибов. Орлик принюхался и пошел бодрее. Ему явно по душе была эта прогулка.

Я тоже встряхнулась, поймала солнечный блик, отразившийся от поверхности пруда, ох и знатные же в нем водятся караси, и... улыбнулась. Пусть сколь угодно долго ловят княжну, разыскивая меня у соседней, друзей. Я там, где никто не догадается меня искать. Я еду на север. Одна, без сопровождения, в мужском костюме.

Безумная, но пока удачно складывающаяся идея побега щекотала нервы азартным предвкушением приключений, заставляя губы расплываться в дурацкой улыбке. Я прищорила коня и рассмеялась, вдыхая горький аромат лесной осени. Меня не пугали трудности и одиночество. Я верила в себя, верила в удачу Таль-Сорецки и до проклятых теней была рада вырваться из ставшего душным дома, где призрак ожидания беды и смерти давно уже слонялся по углам, заставляя просыпаться по ночам и долго лежать, вглядываясь в темноту.

Третий день пути вышел самым поганым. Солнышко активно пригревало, и копыта Орлика легко ступали по сухой земле. Я ехала по второстепенным дорогам, избегая главного

тракта, ночуя в лесу на подстилке из веток, укутываясь аж в три плаща. Сентябрьские ночи заставляли стучать зубами от холода, а утром прыгать козочкой, разогревая заочевшее тело. Кроме холода худшим испытанием мог быть только дождь, вот он и зарядил с утра третьего дня.

Как чувствовала, что ждать от затянутого тучами неба ничего хорошего не стоит. Первые капли упали еще до полудня, а затем дождь лишь усиливался, превратившись к вечеру в настоящий ливень.

– Ничего, милый, не растаем, – подбадривала я себя и Орлика, похлопывая коня по шее.

Орлик недовольно всхрапнул и замедлил шаг, намекая, что пора бы укрыться и переждать где-нибудь непогоду. Я с тоской оглядела ставший разом неприветливым лес. Сверху капает, под ногами хлюпает, ветки мокрые, костер не разжечь. Спать в этом? Нет, спасибо.

Впереди показался тракт. Я медленно выехала на широкую дорогу, мощенную плитами. Указатель намекал на близкую деревню под названием Малые Выселки, а отсутствие людей – на то, что все нормальные путники уже пребывают под крышей выселковского трактира.

– Рискнем?

Орлик послушно повернул в сторону и перешел на рысь. Ему тоже не терпелось переночевать в конюшне, отведать свежего овса. Надо будет пополнить запасы, да и себе купить в дорогу хлеба, вареных яиц, картошки и вяленого мяса. Надеюсь, мое лицо достаточно пропиталось дорожной пылью, чтобы с него стерся лоск аристократизма.

Трактир оказался выдавшим виды домом с огромным двором, по краям которого торчали темно-серые намокшие сараи и конюшня. Но окна гостеприимно светились, на дворе было чисто, а дверь в конюшню недавно меняли.

На стук копыт выскочил худощавый парень в одной рубахе. Я кинула ему монету и, сделав голос пониже, приказала:

– Расседлать, обтереть и накормить. Учти, лично проверю.

Парень кивнул, перехватил уздечку. Я соскочила с коня, отвязала мешки с припасами и направилась внутрь.

В зале было многолюдно – в непогоду желающих сэкономить на ночлеге под крышей нашлось немного. Сердце кольнула тревога: а вдруг?.. Но я приказала себе не паниковать. Теплая кровать, горячая еда перевешивали страхи, да и если свалюсь с простудой, хуже будет.

Прошла к стойке. Ничего сложного в том, чтобы вести себя как мужчина, нет. Морду понаглее, шаги покрупнее, и ноги ставить пошире. Ах да. Никакого внимания к своей внешности. И хорошо, что руки заняты мешками и у меня нет возможности отряхнуть плащ, а так и тянет это сделать...

– Что угодно достопочтенному господину?

Толстый, с круглым лицом, щедро усыпанным веснушками, с рыжими волосами и глубоко посаженными маленькими глазками, трактирщик не выглядел достойным доверия, встретить я его ночью, непременно решила бы, что он разбойник, но выбирать не приходилось.

– Комнату, ужин и завтрак подать туда.

Наглость моего тона, а может, недостаточная его мужественность заставили его прищуриться, окинуть гостя подозрительным взглядом, но серебрушка в руке сыграла свою роль, и он согнулся в любезном поклоне:

– Конечно, господин. Комнаты все заняты, увы, но у меня есть отгороженный закуток с

кроватю. Если не побрезгуете...

Я была согласна и на тюфяк на полу, но «закуток» звучало многообещающе.

– Давай свой закуток, но тогда в уплату добавь пару мешков овса и припасы в дорогу.

Пока готовили закуток, украдкой огляделась. До границы еще два дня пути, однако дыхание войны чувствовалось и здесь.

В зале было неприлично много военных. Целых шестеро. Сидели за отдельным столом, быстро уплетая ужин. Один красовался с грязными бинтами на голове, второй берет руку. С фронта? На побывку, лечение или дезертиры? Впрочем, гадать – пустое дело.

Справа и слева столы оккупировали мужики. Хмурые лица, сосредоточенные взгляды, и всего лишь пара кувшинов медового вина. На заработки в город? Нет, сейчас только начало сентября, на полях не собран урожай, рано для города.

В углу жались три семьи. Непривычно тихие дети, бабы с затравленными взглядами, мужики в несвежей одежде. В пути явно не первый день. Беженцы? Однако до фронта далеко, да и, если верить новостям, фронт пока не на их территории. Тогда откуда это желание сняться с привычного места и уйти вглубь страны? Но, может, я просто сгущаю краски. Переселенцы были во все времена, почему я решила, что их уход связан с войной? Мало ли причин, чтобы поменять дом? Но сейчас начало сентября, самое время уборки урожая. Так что действительно мало.

Сидящие за столом около окна заставили меня напрячься и отвернуться к стойке. Двое. Одеты в гражданское, но их повадки... Что же, хищники тоже не любят сырость и дождь. Надеюсь, моя скромная персона их не заинтересует. Наша встреча – мимолетное дорожное обстоятельство, ничего больше.

– Прошу, господин.

Бойкая служанка смазливой внешности и, о чудо, в чистом светлом платье появилась как раз вовремя. Чужие взгляды жгли мне спину. Стою тут, как статуя на выставке. Паранойя? Скорее всего. Только мне в любом варианте внимание ни к чему.

Взяла мешки и, топя сапогами, пошла за служанкой. Мы поднимались по темной лестнице, девчонка несла лампу, и в ее желтом свете просевшая старость дома бросалась в глаза еще сильнее. Пахло кислой капустой, затхлостью, несвежим бельем и плесенью. В окна барабанил дождь, где-то в углу капало с крыши, под ногами скрипели половицы.

– Ваша кровать, господин.

Мне показалось, или в голосе проскользнули извиняющиеся нотки? Желтый круг света выхватил из темноты кровать, накинутое сверху зеленое одеяло, сундук, стоящий так плотно к кровати, что протиснуться между ними можно было лишь боком, черное окно в потеках дождя. От чужих глаз эта убогость прикрывалась невзрачной занавесью из плотной ткани.

Отличные хоромы! Просто княжеские.

– Сейчас принесут ужин. Что-нибудь еще?

– Кувшин горячей воды и таз, – распорядилась я.

– А больше господин ничего не желает? – протянула служанка, покачивая лампой.

Темнота удачно скрыла мое вытянувшееся от удивления лицо. Не поняла, эта поганка на что сейчас намекает? На то самое?

– Не желает! – рявкнула в ответ.

Бамц! Лампа, чудом не разбившись, приземлилась на сундук. Обиженно застучали каблучки по коридору, могу поклясться, что задом девчонка виляла исключительно из мстительности.

Я задернула шторы и с наслаждением плюхнулась на кровать. Стащила сапоги, вытянула ноги – вот оно, блаженство.

Едва успела прикрыть глаза, как принесли ужин. Парень с рябым от оспин лицом молча сгрузил на сундук поднос с едой, ушел, вернувшись с тазом и кувшином. От воды поднимался пар – горячая.

Я дала ему мелкую монетку и договорилась, что поднос он заберет утром.

Наконец-то можно было избавиться от мокрого плаща, размотать бинты на груди, снять шляпу. Я быстро помылась, с наслаждением ощущая, как по телу разливается приятное тепло от горячей воды, затем переделалась в сухое, а вымокшую одежду повесила на спинку кровати – подсохнуть.

«Благородная девица должна есть маленькими кусочками, не торопясь, чтобы окружающим было приятно лицезреть ее трапезу», – из свода правил домоведения.

Благородства во мне сейчас было не больше, чем в мокрой кошке, а окружающих в этом темном углу вообще не наблюдалось, как и ножа с вилкой на моем подносе. Зато там находились горшок с рисом и грибами, куриная ножка в соусе с гарниром из отварного картофеля, стакан медового вина и пирожок с яблоками на десерт.

После сытного ужина в голове потяжелело, и меня неумолимо потянуло в сон, но параноя решительно воспротивилась такой безответственности. Спать в чужом месте за пыльной шторой вместо двери?

Я посмотрела на штору, перевела взгляд на кровать, затем на плачущее дождем окно... Да пошли они все погулять по пустошам... Сегодня сплю здесь, пусть даже сотня проклятых теней решат заглянуть на огонек.

Притушила лампу, оставив фитилек слегка тлеть. Легла не раздеваясь, укрывшись запасным плащом, поворочалась и поняла, что не засну. Сверху скрипело, надрывно и тянуще, снизу, из зала, где ужинали постояльцы, доносился шум, крупные капли стучали в окно, будто просясь пустить их в дом.

Ругнулась, крутанула колесико лампы, оживляя темноту язычком пламени, достала из-под кровати мешок, выудив оттуда сложенную веревку.

Нужный гвоздь, наполовину вбитый в стену и загнутый, чтобы не торчал, нашелся сразу. Я поддела его кинжалом, заставляя слегка распрямиться. А что у нас с другой стороны? С гвоздями больше не повезло, но оставался сундук. Пыхтя, подтащила его вплотную к шпоре. Сундук встал ровно от угла кровати до занавески. Второй конец веревки зацепила за отогнувшуюся с угла металлическую обивку. Не слишком надежно, но уронить незваного гостя, что шагнет за штору, хватит.

Кинжал сунула под подушку, меч в ножнах положила рядом, мешки под окно и наконец легла спать.

Сквозь сон слышала, как хлопали двери на этаже, как укладывались постояльцы на ночлег, а затем все затихло, и трактир постепенно погрузился в сон.

Под утро меня разбудил стук копыт под окном, а может, это было знаменитое везение Таль-Сорецки, о котором так много рассказывал дед. Поворочалась, ловя остатки сновидения, и уже почти заснула, когда раздавшиеся на лестнице шаги заставили замереть и прислушаться.

Свистящий, еле слышимый шепот, и я покрылась холодным потом.

– Куда дальше?

– Вот там, в конце. За шторой. Видите? – Голос трактирщика. Сдал, сволочь.

– Да у тебя тут как в заднице. Ни проклятого не видно.

Чиркнула спичка о коробок, и пятно света выползло из-под шторы.

– Свободен.

Сопение трактирщика затихло на лестнице, я слышала, как он спускается вниз, а вот шагов гостя не слышно. И это плохо, очень плохо.

Кинжал зажат в руке, ноги я медленно спустила на пол. Спичка догорела, и все снова погрузилось в темноту.

За окном уже серело, и закуток перестал напоминать темную дыру. Я довольно четко различала штору, сундук, мешки под окном. Пол под босыми ногами не теплее льда. Надо бы надеть сапоги, но скрипучая кровать может раньше времени выдать мое пробуждение, и тогда гость не будет так беспечен.

Затаив дыхание, я вслушивалась в тишину. Пальцы на рукоятке кинжала немели от напряжения. В доме тихо, лишь с улицы доносился шум ветра, зато дождь не слышен, и это радовало.

Скрипнула половица, и сердце замерло. Еще одна, уже ближе. Медленно отодвинулся край занавеси, я прикрыла глаза, оставляя лишь маленькую щелочку.

Если бы гость продолжил осторожничать, у меня бы ничего не вышло. Но что-то привлекло его внимание. Может, заметил очертание меча под одеялом, или не понравилась моя поза, хотя ноги я прикрыла плащом. Не суть. Гость ринулся ко мне, по пути ожидаемо наткнувшись на веревку. Он еще попытался удержать равновесие, рукой зацепившись за штору, но по возрасту штора была не моложе дома, а потому с треском оборвалась, обдав нас тучей пыли.

Последующее падение я встретила, стоя на полу. Мне и делать особо ничего не пришлось – так, немного придать нужную траекторию гостю, чтобы тот перелетел через низкую спинку и приземлился на кровать.

Прыгнула сверху и под жалобный скрип пружин приставила кинжал к открытому горлу, второй рукой обшаривая тело мужчины на предмет неожиданностей. Дважды повезло, что при обрыве шторы гость выпустил из рук кинжал, и тот, звякнув, улетел под кровать. То ли другого оружия у него не было, то ли он оставил меч в конюшне, решив, что тот ему не пригодится в тесных комнатах трактира, но я ничего опасного не нашла.

– Дернешься, прирежу, – шепотом пригрозила на всякий случай, плотнее прижимая острое лезвие к белеющей в полумраке коже.

Гость дергаться не стал. Упал он крайне неудачно, утянув за собой штору, и сейчас лежал погребенный под ее тяжестью. Из-под слоев ткани виднелись подбородок, шея и верхняя часть кожаной куртки. В такой позе особо не повоюешь, даже если тебе угрожает кинжалом лишь слабая женщина.

– Значит, твой коняка был. – Гость позволил себе дерзкую улыбку, а я зашипела от злости, понимая, что теряю инициативу и штора долго его не удержит.

– Попалась, ведьма, – подтвердил он мои предположения и даже не дрогнул, когда я вдавила лезвие в кожу и вниз потекла алая струйка крови.

«Да чтоб тебя проклятые забрали!» – выругалась про себя. Огляделась по сторонам. Решение созрело мгновенно. Гость попытался уклониться, скатиться с кровати, освободить руки, но я была быстрее, со всего размаха опустив пустой кувшин ему на голову. Мужчина дернулся, закатил глаза и обмяк.

Пару мгновений я прислушивалась к спящему дому, но в тишине слышался лишь

бешеный стук собственного сердца. Мы шумели, но, видимо, недостаточно громко, чтобы заставить любопытных сползти с кроватей и выйти в коридор.

Дальнейшее заняло минут пять, не больше. Тратить время на связывание мужчины я не стала. Смысл? Все равно скоро начнут просыпаться постояльцы, и его найдут. Да и маловероятно, что он очнется быстро, все же приложила я его со всей дури испуганной курицы.

Сняла веревку – еще пригодится, сунула непросохшие вещи в мешок – потом разберемся, надела сапоги, взвалила на плечо мешки и на цыпочках спустилась вниз. На каждый скрип останавливалась, обливаясь потом и ожидая гневного окрика, но пронесло.

На выходе не выдержала и наведалась на кухню, потратив еще пару драгоценных минут на ограбление кладовой. Пополнив припасы, выскочила во двор.

Еще никогда я не седлала Орлика с такой быстротой. Рядом с моим конем обнаружился чужой, не расседланный, и даже седельные сумки не были сняты. Я сунула любопытный нос в одну – одежда, вещи, а вот во второй были бумаги под печатями, часть из них явно зачарованные. Кинула взгляд на бланки. Куда уж без тебя, Тайная канцелярия, чтоб вас всех разорвало!

Прямо за воротами пустила коня в галоп. У меня был примерно час форы, свернуть в лес всегда успею, лучше воспользоваться пустынной дорогой, пока агент валяется без сознания. Однако гость был прав. Орлик – слишком приметный конь, чтобы продолжать на нем путь. Как ни жаль, придется расстаться.

Глава 2

Зеленое озеро

Орлик практически летел по дороге, копыта со звонким цоканьем касались мокрых после дождя плит, и сосны, стоящие вдоль тракта, отражали и множили эхо нашей скачки. Я боролась с желанием пришпорить коня, чтобы оказаться как можно дальше от трактира. Душу заливал пьянящий восторг – ушла, улизнула, оставила в дураках! Скинула капюшон, сняла шляпу, позволяя ветру безнаказанно ворошить волосы. Щеки горели, на губах играла улыбка. Получилось!

Встающее за лесом солнце протягивало розовые тени по серому мху, в кустах раздавались первые перепевы лесных птиц, прошедший накануне дождь оставил после себя сладкий привкус свежести, и казалось, что это замечательное утро радуется вместе со мной.

Уж не знаю, кого благодарить за подобное везение, но сегодня мне чудом удалось уйти из жадных лап Тайной канцелярии.

Когда сошел адреналин и вернулся здравый смысл, я пустила Орлика крупной рысью. Дорога за спиной была приятно пустынна, а скоро покажется и нужная развилка, если карта не врет.

Он назвал меня ведьмой, знал, собака, о моем родстве и возможном наличии дара, а когда убедился, что в трактире ночью именно я, не стал рисковать в одиночку сцепиться с ведьмой. Вот и причина моего везения. Агент боялся меня не меньше, чем я его.

В трактир завернул случайно – обсушиться после дождливой ночи, в конюшне заметил Орлика и решил проверить, чей это конь. Не хочу даже думать о том, что поиски зашли далеко на север или что я сильно недооценила господ из канцелярии, – меня банально просчитали и теперь спешно перекрывали северную границу. Этот вариант был бы самым грустным.

Тряхнула головой – будем надеяться на лучшее. Наша встреча – действительно случайность, но теперь эта случайность может мне дорого обойтись. Итак, канцелярия взялась за меня всерьез, снабдив агентов по всей стране подробным описанием. Не слишком умно тратить столько сил на одну княжну, когда проблем и без того хватает.

Допустим, они арестовали большинство семей так называемых предателей в первые два дня. Многие жили в столице или рядом. Но зачем так настойчиво гоняться за остальными? Не понимаю.

На душе стало тошно от предчувствия надвигающейся беды – горького, вязкого, пахнущего болью, отчаянием и потерей свободы. Я что-то упустила из виду, но что?

Гадать не было смысла. Надо думать о сегодняшнем дне.

Как ни оттягивала я этот момент, но с Орликом придется попрощаться. Тарецкие скакуны слишком приметны, а для загоняемой дичи, которой я, увы, сейчас являюсь, такой конь – непозволительная глупость. Я совершила ошибку, взяв с собой Орлика, но четыре дня назад побег казался чем-то несерьезным, да и не могла я сесть на кого-то другого, кроме Орлика.

Отец много лет выводил новую породу, а когда у него получилось, то слава о тарецких скакунах быстро разлетелась по всей стране. Тонконогие, высокие, они отличались силой, выносливостью, а еще удивительной сообразительностью. Но самой главной чертой породы

была звездная шкура. Черная, серая или коричневая, но обязательно с белыми пятнами по крупу, формой напоминающими звезды.

Пять лет назад Орлика мне подарил отец, жеребенком, еще только отошедшим от матери. Пять лет я сама воспитывала его, тренировала и не мыслила себя на другом коне. А теперь из-за моей глупости вынуждена отдать его в чужие руки.

Оставить Орлика в крестьянском хозяйстве – значит погубить. Был у меня запасной вариант, который серьезно удлинит мой путь, но Орлик того стоил.

На севере в местечке под названием Зеленое Озеро находился конный завод. Его владелец был одним из пяти основных конкурентов отца. Мы не были представлены лично, но о зеленщиках, как их называл отец, я наслушалась с детства.

Рискованно? Да, конечно. Впрочем, Альвер Койл был таким же сумасшедшим до лошадей, как и мой отец. Он не откажется от подарка и, будем надеяться, не сразу сдаст меня агентам.

Зеленое Озеро лежало в стороне от тракта, и, чтобы до него добраться, мне пришлось сделать приличный крюк, добавив два дня до границы, если перейти на пешее передвижение. Но я не жалела об этом. Да и в любом варианте пришлось бы уклониться в сторону, чтобы выйти из облавы. Уверена, агенты сейчас спешно перекрывают дорогу до границы, прочесывая район Малых Выселков. Моя цель для них больше не секрет.

Сам переход я представляла себе крайне смутно, в основном по книгам, которые тайком брала у брата. В них герои чаще всего нанимали проводника, и тот переводил их тайными тропами на другую сторону. Представила, как ищу по деревне такого вот проводника... Н-да, меня скорее повяжут и сдадут властям, чем повезет наткнуться на нужного человека.

Другим вариантом было пойти добровольцем на фронт, а потом во время боя уйти на сторону врага. Была бы парнем, один разговор, людей в войсках всегда не хватает, и на «потерянные» документы могли закрыть глаза, но долго и качественно изображать мужчину я не смогу.

Итого в сухом остатке: ночь, глухая чаща и поза червяка при переходе. Ведь агенты, как и пограничники, тоже люди, и лезть в бурелом им не хочется, да и наличие коня подразумевает, что я буду придерживаться лесных дорог.

А вот проклятого вам в гости, господа агенты. Таль-Сорецки никогда не чурались трудных путей. Надо ползти – поползем, надо будет в чаще погулять – погуляем. Еды я набрала в таверне, крючки и леску прихватила из дома – если туго придется, попытаюсь наловить рыбы. У меня на пути аж три речушки да два озерца. Главное, обойти болото. Вот там ни одна карта не поможет, ни один компас не спасет. Провалишься в трясины, и с концами.

Зеленое Озеро встретило меня благодатной тишиной и пасторальностью пейзажей. Покрытые зеленью луга, журчащий на перекатах ручей, через который был перекинут горбатый мост, крепкие изгороди загонов. Где-то вдалеке за холмом слышалось ржание – там паслись табуны, перегнанные по случаю хорошей погоды на дальние пастбища.

В самой усадьбе было сонно и тихо. Теплый осенний полдень навел на всех дремоту. Лениво брехала собака, отзываясь на стук копыт Орлика, да метнулась через дорогу белая курица, растопырив крылья и гневно вереща о прерванной пыльной ванне, которую она изволила принимать прямо на въезде во двор.

Я спрыгнула с Орлика, огляделась. Передо мной, в окружении хозяйственных построек, стоял добротный дом в два этажа, сложенный из тесаных бревен. Никаких колонн и

излишеств в виде пилястр или портиков. Единственное, что позволили себе хозяева, – резные наличники на окна и двери, да башенку с правого бока дома, на шпилье которой гордо поворачивал по ветру свой металлический хвост петух.

– Кто таков? – Грозный окрик заставил Орлика вздрогнуть и попятиться.

И было от чего. На пороге сарая стояла высокая, богатырского телосложения женщина. В одной руке она держала вилы, во второй пустое ведро, а мне почему-то сразу представилась передовая, пушки и она со снарядами в руках. Нет, надо меньше думать о войне. Впрочем, цветастый платок, надвинутый по самые брови, выглядел довольно мирно, как и темно-синее платье с серым передником на груди.

– Хозяин где?

Меня окинули пытливым взглядом, оценили хоть и запыленную, но недешевую одежду.

– В доме, отдыхать изволят, – громыхнув ведром, сообщила работница.

Я привязала Орлика у коновязи, ободряюще похлопала его по шее и пошла к дому. На белой двери не было заметно ни звонка, ни молотка, и я просто потянула за ручку и вошла.

В светлой прихожей никого не было. Чуть помедлив, я заглянула в столовую, прошлась до лестницы на второй этаж. Ни хозяина, ни слуг – чудеса. Через стеклянную дверь вышла на широкую веранду. Отсюда открывался потрясающий вид на холмы, зеленые луга, разделенные темными линиями загоронок, на лошадей. Яркими солнышками выделялись на траве буланы и соловые, переливались темные шкуры вороных и гнедых, а среди них белыми облачками бродили лошади серых мастей. По краям поля стояли высокие конюшни, под навесами виднелись стога свежего сена. А прямо от веранды вниз по склону раскинулся сад. Алели на ветках яблоки, синели сливы, желтели медовыми боками груши.

Легкое покашливание заставило меня замереть на месте, а затем круто развернуться.

– Простите.

Пожилой мужчина сидел в кресле, укрыв ноги шерстяным пледом. Мне бросились в глаза круглая бритая голова, маленькие глазки и пухлый животик, выпирающий под пледом.

Не торопясь, хозяин нацепил очки, лежащие перед ним на столе, внимательно оглядел меня.

– Вам не за что извиняться, – проговорил с грустной улыбкой, – после того как забрали Ерона, приходится управляться самим. Мне обещали прислать толкового паренька, который, ну, вы понимаете, не годится для военной службы.

Я понимала. Если у нас забрали практически всех слуг, годных к службе, хотя наше поместье и расположено в центральной части страны, то что говорить про приграничье? Выгребли подчистую.

– Так с чем пожаловали, милейший?

Альвер нарезал уже пятый круг около Орлика, восторженно охая, причмокивая и качая головой. Орлик нервно переступал ногами и с подозрением косился на пребывающего в эйфории господина.

– Какой экземпляр, нет, какой экземпляр! А грудь? Нет, вы только гляньте на его грудь! Какие пропорции, какая длина плеч! А ляжки! Это же идеальные ляжки! И смотрите, мышцы на окороке как проступают!

Орлик вздрагивал, по гнедой шкуре проходила дрожь, а мышцы на окороке от напряжения выступали рельефнее.

– Ну-ну, мальчик, не надо волноваться.

Альвер не делал попыток ни подойти, ни погладить, и за целостность его пальцев я постепенно перестала волноваться.

– И сколько вы за него хотите?

– Я не продаю, – покачала головой я, – хочу, чтобы вы взяли его на время, пока... пока не закончится война. Если в течение полугода я его не заберу, он ваш. Целиком и полностью.

Альвер хмыкнул, бросил на меня внимательный взгляд.

– Деньги у меня есть. Могу заплатить, – добавила поспешно.

– Не унижайте меня, – отмахнулся коннозаводчик, – я все понимаю. Такому красавцу нет места на войне. У меня каждый день сердце кровью обливается при мысли о тех, кого пришлось отдать. Половину табуна увели, сволочи. – Он хмуро посмотрел в сторону загонов. – Но вашего не отдам. Спрячу, костями лягу, но не отдам.

И я ему верила. Наверное, потому, что сейчас в глазах у Альвера горел такой же огонь страсти, какой я не раз наблюдала у отца, когда он покупал нового жеребца или кобылу. Пусть внешне они были абсолютно непохожи, но эти слова, жесты...

Внезапно стало больно глотать, и я отвернулась, чтобы скрыть набежавшие слезы.

– Милейший, только мне совесть не позволит лишать вас транспорта. Сомневаюсь, что за поворотом вас ждет железный конь.

Железными конями в народе прозвали недавно появившиеся автомобили. Они пока облюбовали города, лишь изредка наведываясь в провинцию, и их почти сразу невзлюбили за вонь, грохот и лихачество водителей, приводящее к частым авариям.

– Вы правы, не ждет.

– Тогда могу я вам предложить Звездочку? Чудная кобыла, уж поверьте. Внешне неказиста и старовата, зато обладает ценнейшим качеством. Если вы оставите ее около Черного ручья или, например, Мельничных Запруд, она сама вернется домой. Подумайте, не спешите отказываться.

Я не спешила. Надо же, Альвер оказался совсем не прост. Быстро же он меня раскусил. И что теперь? Сдаст?

– Зачем вы мне помогаете? – Голос от волнения прозвучал низко и хрипло.

– Внучатая племянница. – Альвер снял очки, достал платок из кармана, принялся протирать и без того чистые стекла. – Ее мать из северных, но она лишь жила рядом с горами и к ледяным не имела никакого отношения! – В конце голос Альвера сорвался на крик.

– Забрали?

– Четвертый день никаких вестей, – кивнул он с убитым видом, – ей же только двенадцать!

– Мне жаль.

– А, – махнул рукой Альвер, снова нацепляя очки, – вы-то чем поможете! Так берете?

– Беру.

Отказываться от лошади глупо. Тем более в моих обстоятельствах.

– Пока седлают, может, отобедаете со мной? – спросил он с надеждой.

– Нет, спасибо. Я тороплюсь.

– Да-да, понимаю. – Альвер засунул руки в карманы, покачался на носках. – Я велю сложить вам пироги в дорогу. Знаете, вы очень похожи на своего отца, – добавил он и, развернувшись, пошел к дому.

Я так и застыла на месте. Кинула затравленный взгляд по сторонам. Куры, с усердием копошащиеся в пыли, здоровенная псина, развалившаяся в загоне и видящая пятый дневной

сон, беззаботная бабочка, белым цветком порхающая по двору, и никому нет дела до какой-то беглянки.

Разжала кулаки, вытерла вспотевшие ладони о штаны. Бежать глупо. Зачем помогать той, которую хочешь сдать?

Примерно через полчаса я выезжала из Зеленого Озера. Звездочка, низкорослая кобыла невнятно серой окраски, меланхолично переступала копытами, не собираясь признавать ни галопа, ни рыси. А, проклятый с ней. Мне сейчас не хотелось ни скорости, ни скачки. На душе после прощания с Альвером было пасмурно и тоскливо. Настолько тоскливо, что я смахнула украдкой пару слезинок.

– Отсюда до заставы полдня, если не спеша. – Альвер стоял около Звездочки. Взгляд насупленный, руки в карманах, очки съехали на кончик носа, а мне сверху был виден солнечный зайчик, бликующий на лысине, и страха не было совсем. – Меня сегодня – так некстати – разобьет радикулит. И раньше завтрашней первой звезды подняться не смогу.

– Спасибо.

Поддавшись внезапному порыву, соскочила с седла, обняла его за шею и быстро коснулась губами теплой щеки.

– Ну-ну... – Альвер странно шмыгнул носом и отвернулся.

Я взлетела в седло, нашла взглядом Орлика. Сердце заныло, а силуэт коня стал расплываться. Прости, друг. Если Трехликий позволит, я за тобой вернусь, обязательно вернусь.

– А ну, пошла! – закричал вдруг Альвер, награждая Звездочку смачным шлепком по заду.

Кобыла недовольно заржала и сорвалась на легкую рысь. Рыси хватило на пару минут, а затем кобыла, не ощущая никаких понуканий, перешла на шаг и лениво побрела по дороге. Я позволила себе расслабиться и обдумать ситуацию.

Альвер будет обязан доложить о моем визите. Орлик слишком приметный конь, и глупо надеяться, что о нем не станут болтать. Как он это устроит, чтобы не пострадать самому, меня волновало мало, главное когда. Первая звезда! Он будет ждать возвращения лошади завтра вечером. Что же, у меня есть время продвинуться как можно ближе к границе, а затем отпустить Звездочку домой.

Я мысленно прокручивала наш с Альвером диалог. Зеленщик непрост, он явно пытался сказать больше, чем мог, и что-то царапнуло в его словах, но что?

Ледяная! Мать его внучатой племянницы не имела никакого отношения к ледяным. Значит, охота идет не просто за северными, и родственные связи за границей лишь повод провести облаву. Скверная новость. Более чем скверная.

Но у меня же нет дара! Зачем им княжна, которая лишь на четверть ледяная, да еще и без родового дара?

В душе всколыхнулась давняя обида. И точно вчера это было: первая кровь, гордое осознание взросления, встревоженные лица взрослых, поднятые по тревоге слуги и трое в серых мундирах, с льстивыми улыбками на лицах и омерзительными взглядами холодных глаз.

Меня проверяли каждый год до совершеннолетия, но ту проверку я запомнила отчетливее всех. Помнила собственные слезы от унижения, от бессилия и предательства взрослых. Меня раздели догола и даже в рот залезли проверить, не спрятан ли там экранирующий амулет. Помнила боль от пореза, когда брали кровь на исследование, как будто обязательно было резать запястье, а не просто уколоть палец, и тошноту от

магического воздействия. Еще помнила тихий голос бабушки и ее теплые, ласковые руки на моей голове: «Все к лучшему, милая. Все к лучшему. А про этих даже не думай. Они никто. Так, псы. Пришли и ушли ни с чем, а ты осталась с нами».

Я и не думала... до сегодняшнего дня, а оно вон как повернулось. Королю зачем-то понадобились ледяные ведьмы. Решил устроить показательное сожжение на костре? Тогда наличие дара действительно не важно. Зачем возиться с проверками, когда можно просто объявить девицу ведьмой, благо внешность у ледяных хоть и специфическая, но встречающаяся среди обычных людей, затем подкинуть фальсифицированные обвинения: короля сглазили, военного министра до поноса довели, на все войско неудачливость наслали – и вперед, на костер. И народ счастлив – зрелище устроили и виновных в бедах нашли.

От собственных размышлений стало нехорошо. Заныл живот, сдавило грудь и стало трудно дышать, а полуденная жара так некстати напомнила другой жар, костровой.

Стукнула коленями по бокам Звездочки. Лошадь недовольно всхрапнула и ускорила шаг. Но мне этого показалось мало, и вскоре кобыла бодро рысила по дороге, а я пыталась убежать от придуманных страхов.

Часть пути пролежала по главному тракту, ее мы преодолели в густых сумерках. Впереди слышался стук колес – шел обоз, но его мы не догнали, свернули раньше в лес. Моей целью была речка Тихая и впадающий в нее Черный ручей.

Если карта не врал, этот ручей напрямик выведет меня к границе, главное не потерять его из виду, когда буду пробираться сквозь бурелом или обходить болото. Но это уже ближе к месту перехода. Пока же местность вокруг радовала высокими соснами, растущими на покатых холмах, густо покрытых серебристым мхом.

Пару часов до восхода луны мы провели в праздном безделье. Звездочка щипала траву, а я наконец добралась до свертка с пирогами, запах которых активно дразнил всю дорогу. Кроме пирогов мне выдали бутылку молока, мешочек с крупами, с десяток картофелин, пару луковиц и морковок. Целое богатство в моих обстоятельствах. Ведь неизвестно, сколько придется плутать до границы.

Я поела, больше на ощупь и запах, чем различая, что именно совала в рот. Пироги у Альвера оказались знатные, с пышным тестом и вкуснейшей начинкой аж трех видов: яйцо с луком, грибы и яблоки с брусникой. Запила ужин молоком, поделилась куском сахара со Звездочкой, остаток времени до восхода луны просидела, укутавшись в плащ.

Река Тихая вывернула внезапно. Вот бесконечно тянулась лесная, уже порядком заросшая травой дорога, причудливая и странная в холодном свете луны, справа и слева вставал лес, живущий своей жизнью, с тенями, шорохами и ночными звуками, и вдруг пространство разомкнулось, раскрыв перед нами мерцающий купол звездного неба, и мы застыли на обрыве, а в душе поднималось что-то большое, трепещущее, и дыхание сбивалось от накатившего восторга.

Внизу под обрывом темнела лента реки с серебряным пояском посередине. Дорога заворачивала вдоль берега к броду. Звездочка поупрямилась, но в воду вошла. Брод был не слишком мелким, и нам обеим пришлось намочить. Я благоразумно сняла сапоги, а мешки повесила на себя, чтобы не замочить припасы.

Искушавшись по брюхо и пару раз скользнув копытами по глинистому берегу, Звездочка выбралась на ту сторону.

– Ну все, милая. Отмучилась. Сейчас расседлаю, и домой.

Сбросила мешки вниз, прыгнула сама. Быстро, чтобы не заоченеть на мокрой от росы траве, обтерла ноги и надела сапоги.

Как мы с Альвером договорились, седло мне дали старое, потертое, сбрую тоже не новую – все это придется бросить здесь. Отпускать оседланную лошадь рискованно, а неоседланная могла и сама убежать из загона, чтобы, «нагулявшись», вернуться домой.

Серело. С реки поднимался туман, утро наступало зябкое и неуютное. Жутко, до проклятого, хотелось спать. Плеснула в лицо водой из реки – полегчало, в голове немного прояснилось, зато стало еще холоднее. Трясущимися руками расседлала Звездочку, подвязала к морде мешок овса, и кобыла с хрустом принялась завтракать.

При мысли о еде меня затошнило. Полжизни за теплую постель и кружку горячего чая. Накинула второй плащ, чтобы хоть немного согреться, попрыгала на месте, хлопая себя по бокам. Лошадь прервала прием пищи, с интересом наблюдая за моими упражнениями.

Невдалеке дребезжащим кваканьем лягушки приветствовали новый день.

Стребла седло, уздечку и подпруги. С наугой приподняла, отволокла к болотцу и с размаху зашвырнула в темную жижу. Жижка ответила смачным бульканьем, принимая подношение. Пока шла по высокой траве, вымочила оба плаща, и теперь они мокрыми полами неприятно били по ногам.

Вернулась к лошади, та встретила меня еще более удивленной мордой. Ну да, на ее памяти впервые двуногие выкидывали в болото столь ценные вещи.

Забрала у кобылы опустевший мешок из-под овса и предложила валить домой. Звездочка взмахнула длинными ресницами, переступила с ноги на ногу, но с места не сдвинулась.

Проклятого ей под хвост!

Стеганула лошадь по задку пустым мешком и проорала:

– Пошла домой!

Кобыла обиженно всхрапнула и задрала губу, продемонстрировав желтые зубы и готовность укусить в случае чего.

– Домой, – настойчиво проговорила я, указывая рукой на реку.

Звездочка с сомнением покосилась на темную воду, мотнула головой.

– Порежу, – предупредила я, доставая из ножен меч.

Кобыла по-новому оценила мой злой и невыспавшийся вид, а также серебристую сталь в руках. Опустила голову, совсем по-человечески вздохнула и зашагала к воде.

– Так-то лучше, – проворчала я, наблюдая, как светлый силуэт медленно погружается в воду, пересекает речку, и легкий туман струится по бокам, придавая Звездочке вид мифического Пегаса.

Кобыла вышла на тот берег, отряхнулась и неспешно потрусилась домой, а я вернулась к решению сложной задачи: как уместить вещи из двух мешков в один. Не решила. Припасы пришлось оставить в отдельном мешке, а сам мешок закрепить спереди на груди. Неудобно и тяжело, зато с каждым привалом мешок будет становиться легче.

Внимательно осмотрела берег – не оставила ли чего на траве, и зашагала в сторону Черного ручья.

Глава 3

Нежданные встречи

До привала надо было продержаться не меньше трех-четырех часов, и часы эти будут не самыми приятными в моей жизни.

Заросли, обрамляющие ручей, показались, когда окончательно рассвело. Солнце начало ощутимо пригревать, но я все еще куталась в два плаща, не в силах согреться.

Раздвинула густые ветви и шагнула прямо в воду. Ветви росших по берегам кустов образовывали второе небо, и солнечные лучи, проникая сквозь листву, золотыми копьями вонзались в ручей.

Вот теперь посмотрим, насколько у меня непромокаемые сапоги. На реке сняла, чтобы не черпнуть через верх, а сейчас моим кожаным сапожкам предстояли полноценные испытания. Надеюсь, продавец не врал, и я не зря заплатила за них втридорога.

Камни скользили под ногами, лежащие поперек бревна изрядно замедляли путь, а ноги перестала чувствовать уже через полчаса. Сапоги не пропускали воду, но от холода защитить не могли.

Еще через час меня стали одолевать настойчивые мысли об абсурдности моего маневра. Тащиться по ледяной воде, ловить равновесие на скользких камнях, с закрывающимися после бессонной ночи глазами – та еще «умность». И, собственно, ради чего? Чтобы мифические собаки, отправленные в погоню за мной, потеряли след? Или суровые дяди-следопыты ломали глаза, пытаясь найти отпечатки моих ног? Смешно.

Конечно, я упала. Рухнула в воду, приложившись о камень со всего размаху коленом и одной рукой по локоть нырнув в ручей. Когда успокоилась рябь, полюбовалась на свою серую и усталую физиономию. Пожалуй, во мне уже никто не заподозрит княжну.

Встала, подвязала мокрые полы плаща и зашагала дальше. Пока есть силы – иду по воде, затем начну искать укромное место для привала. Я отошла еще не слишком далеко от жилых мест, чтобы расслабляться.

Был еще один вариант поиска беглецов – магический. Но дело это недешевое, да и не каждый маг может выстроить сетку поиска, наложить на карту и хотя бы приблизительно определить местонахождение человека. Лучший результат давал поиск по крови, по волосам или ногтям, но попробуй их достать. Когда жива была бабушка, она всегда следила, чтобы все тщательно сжигалось, и даже моим проверяльщикам не позволялось ничего уносить с собой из моих вещей. После смерти бабушки этим занялась мама. До войны мы даже держали отдельную служанку, которая убирала личный мусор и сжигала его.

А поиск без привязки – дело малоперспективное, даже по сравнению с ищейками и следопытами.

Я всегда любила солнце. И сейчас с каждым часом становилось теплее, а на душе легче. И бессонная ночь не так сильно давила на плечи, и в ногах появилась сила при мысли о скором привале.

Лес радовал тишиной. Никакого намека на погоню. И собственное одиночество впервые ни капли не тяготило.

Огромное старое, потемневшее от времени чудовище нависало над ручьем. На его искореженных ветвях давно уже не рождалось листвы, а вывороченные корни торчали над

землей, напоминая лапы паука. Я подтянулась, забросила ногу на ствол, побряхтывая и соскальзывая, взобралась наверх, а потом, не вставая, поползла к берегу. И вот наконец под ногами не холодная вода, а мягкий пружинистый мох.

Еще около часа я шла среди высоких и стройных сосен, наслаждаясь теплой погодой, легким ветерком и горьковатым благоуханием нагретой на солнце хвои, к которому примешивался грибной осенний аромат.

Уснула сразу же, стоило голове коснуться мешка, хватило сил только стащить сапоги и укутаться в плащ.

Во сне я была дома, в комнате деда. Знакомо поскрипывало кресло-качалка, в воздухе стоял терпкий запах табака. Дед так и не смог избавиться от вредной привычки, невзирая на все приложенные к этому усилия бабушки.

Я шагнула в полумрак комнаты, с трудом различая силуэт деда, сидящего, как и при жизни, у окна. В воздухе плавал ярко-красный огонек трубки. Огонек танцевал, то разгораясь и превращаясь в яркую звездочку, то погаснув, и тогда комната почти полностью погружалась в темноту.

– Дед? – спросила недоверчиво, а в душе стал просыпаться страх.

Качалка скрипнула и замерла.

– Стар стал. Кости ломит. Видать, к грозе, – пожаловался вдруг дед.

– К грозе?

– Грозы, они разные бывают. Не слышишь, внученька?

Я прислушалась. Действительно, где-то гремело, грохотало железо, раздавались вопли, ржание, слышались удары.

– Это не гроза, – прошептала я и... проснулась.

Звуки схватки неслись с севера. Опять север. Но до границы еще далеко, так кого же принесла нелегкая?

Я сбросила плащ, вместе с мешками затолкала в низину и прикрыла мхом. Рядом заметила изогнутую сосну, а для гарантии, не надеясь на память, воткнула палку.

Проверила, легко ли выходит из ножен меч, за пояс заткнула револьвер, предварительно зарядив, и поспешила на звуки. Вязываться я не собиралась, по-хорошему стоило обойти стычку широким кругом, но тогда неведомый отряд, дерущийся с кем-то, останется у меня в тылу. Я шла на разведку, чтобы понимать, кого ожидать с юга, когда стану на ночлег.

Сон меня встревожил, но не сильно. Дед мне не снился ни разу с момента своей смерти, хоть я скучала и, честно говоря, надеялась на что-то подобное. Говорят, мертвые приходят попрощаться, но дед не пришел. И вот теперь этот странный сон. Словно плохое предзнаменование. Может, не идти?

Не доходя до поляны, пригнулась и, крадучись, пошла от дерева к дереву, держа обнаженный меч в руке. Пустая предосторожность. Народ был так увлечен убиванием друг друга, что можно было и не таиться.

Поляна оказалась большой. Вытянутым овалом она лежала в окружении частокола сосен. В центре возвышался покатым холм, заросший серебристым мхом, на котором яркими пятнами, как узор на ковре, горела свежая кровь.

Обзор снизу был плоховат, но мне удалось вычленить главное. Отряд королевских гвардейцев в темно-синих мундирах с зелеными вставками на рукавах активно теснил троих мужчин, которые заняли стратегически выгодную вершину холма. Судя по тому, что они успели уложить пятерых, потеряв при этом одного, передо мной были непростые бойцы.

Учеба у мастера стоила недешево, а потому хорошей школой могли похвастаться либо знать, либо наемники. Последним занятия оплачивал особый фонд, чтобы затем получать процент с прибыли наемников.

Я понятия не имела, за что именно троицу прижали гвардейцы, но одно знала точно – с каждой минутой боя их шанс на победу становился все призрачнее. Мужчины явно устали, под распахнутыми куртками видны были мокрые от пота рубашки, а гвардейцев все еще было на два больше, чем их. Пятеро против троих. Скверный расклад.

Или не троих. Один оступися, покачнулся и рухнул на колени. Второй тут же его прикрыл, но я успела заметить светловолосую голову ребенка, которого они прятали за спинами.

Так вот почему не стреляли гвардейцы! Их задача была взять ребенка живым.

Волна злости нахлынула, сметая здравые мысли о невмешательстве.

Убрала меч, достала револьвер и поймала на мушку спину одного из гвардейцев. Револьвер не подвел, да и промахнуться на таком расстоянии было почти невозможно. Когда отзвучало эхо выстрела, солдат взмахнул руками и стал медленно оседать вниз.

Качнула стволом, выбирая следующую цель. Выстрел, и еще один отправляется за грань.

Я скорее инстинктивно почувствовала, чем уловила движение справа. Гвардеец. Вышитые эполеты на плечах. Его не было на холме среди атакующих. Ожидал благоприятного момента или подстраховывал спины подчиненных?

От меча я уклонилась, но целью гвардейца был не удар по мне. Одним ловким движением он выбил револьвер, и тот улетел куда-то вбок. На холеной физиономии военного расцвела самодовольная улыбка. Такие типы, как правило, нравятся женщинам. Щегольская ниточка черных усов, идеальный мундир, ушитый по плечистой фигуре, зеленые плутоватые глаза.

Гвардеец помедлил, наслаждаясь моей беспомощностью. И этих мгновений хватило, чтобы собраться, прыгнуть в сторону, выхватить меч из ножен и принять стойку.

В зеленых глазах промелькнуло удивление. Гвардеец даже изобразил шуточный поклон к началу боя. Не принимает всерьез? Мне же проще.

Он оказался хорош. По-военному хорош. Без тайных приемов, скрытых техник. Отличный рубака. Сильный, быстрый.

И мне приходилось двигаться быстрее, чтобы успеть уйти в сторону от сверкающей смерти, принять лезвие на скользящий блок, отклонить от груди. Я держалась в глухой обороне, проклиная про себя и мох, пружинящий под ногами вместо надежной твердости пола, и собственную глупость, которая позволила ввязаться в драку. Рубашка взмокла, руки немели от нагрузок, а тело двигалось в заученном ритме.

Моя единственная возможность недолго выстоять против мужчины – это скорость.

Вот я и прыгала вокруг него сумасшедшей белкой. Ключевое слово – недолго. Скоро я спекусь, он подловит меня на неверном движении, и одной княжной на земле станет меньше.

Сбоку слышались азартные крики. Троица ожидаемо перешла в атаку, приканчивая оставшихся в живых гвардейцев. Только, чувствую, мне не продержаться до их подхода.

Я открылась. Грубо, намеренно. Профессионал бы не купился, но военных не учат такой тактике. Да и не нужна она в бою, когда вокруг столько мяса, что не до изысканной битвы.

Гвардеец рванулся вперед, стремясь быстрее прикончить надоедливую юнца. Я изогнулась, пропуская лезвие над собой. Шапка слетела вниз. Время замерло. Я увидела

расширяющиеся от удивления зеленые глаза, затем в них появилось осознание боли, а мой меч уже торчал в его груди. Ему хватило сил отшатнуться, опуская лезвие прямо на меня. Я упала, уже в полете осознав, что ухожу недостаточно быстро, и боль обожгла бедро.

Мох пружинит, и падать мягко. Я понимала, что надо встать, добить, что противник, может, только ранен и не собирается подышать, хоть и выглядит паршиво с побелевшим лицом и торчащим из груди мечом. Но меня будто разбил паралич. Рука только сейчас осознала, что есть большая разница воткнуть меч в манекен, наполненный деревянной стружкой, или в живого человека, плоть которого под ударом сопротивляется совсем по-другому, чем сухая стружка.

Я с ужасом увидела, как он качается, пытаюсь удержаться на ногах, а в зеленых глазах уже появляется предсмертная пелена. У меня внутри все сжалось от спазма. Я убила. Только что своими руками зарезала живого человека. Как свинью, как кролика. Раз, и...

Гвардеец медленно повернул голову, нашел меня взглядом, и что-то страшное мелькнуло в его глазах. Он сплюнул кровь и произнес так тихо, что я скорее угадала по губам, чем услышала:

– Ведьма!

Зря он так... прямо. Куда-то исчезли мысли о совершенном убийстве. Я встала и без содрогания вытащила свой ведьминский меч из его поганой груди. Гвардеец дернулся от боли, в его глазах мелькнула ненависть, а затем он мешком осел на мох и затих уже навсегда.

И сразу стало тихо. Нет, вокруг было полно звуков, я слышала горячий шепот ребенка, успокаивающие ответы взрослого, тяжелое предсмертное дыхание раненого, и чавкающий звук лезвия, обрывающий эти хрипы. Но звуков боя больше не было. Лес постепенно оживал, и на сосне робко пробовала первые ноты пичужка.

Я бросила взгляд в сторону холма.

Мужчина стоял в положенных по протоколу трех метрах, словно мы не на залитом кровью холме, а на светском балу. Два незнакомых человека, не представленных друг другу.

– Вы прекрасно сражаетесь... госпожа. – Он колебался лишь мгновение, но не ошибся.

Его лицо не показалось мне знакомым. Седые виски, тяжелый взгляд. Младший аристократ, служащий мечом более знатному родственнику? Бастард?

Какая разница. Мы посреди леса, только что уничтожили отряд гвардейцев, что само по себе тянет на приличный срок или сразу на смертную казнь. Я в бегах, они тоже.

Поискала взглядом трилби.

– Ваша? – Он протянул мне зеленую шляпу.

Поблагодарила кивком.

По ноге потекло что-то теплое. Кровь. Надо перевязать, но чем? Положила ладонь на рану, ощупала. Уф... неглубоко. Рассечена кожа, мягкие ткани, но ничего серьезного не задето. Отняла ладонь – вся в крови.

– Вы ранены?

Как будто это не заметно.

– Возьмите. – Мужчина протянул шейный платок – белый и довольно чистый. – Я надел его сегодня утром, – подтвердил он мои надежды на чистоту ткани. Подошел, подавая платок.

Я взяла. Затянула потуже, перекрывая кровоток. Нога пока не болела, но, как только шок пройдет, меня ждет масса «приятных» ощущений.

– Дядя Пьетро! – С холма бегом спускался мальчишка. Льняные кудри развевались на бегу, на детском личике, слишком серьезном для малыша, выражение тревоги.

Он, естественно, обернулся, а я... Быстро подобрала револьвер, сунула за пояс и, прихрамывая, зашагала прочь.

– Госпожа! – Оклик застиг меня метрах в пяти от поляны.

Я оглянулась.

Он поклонился, и мне опять представился прием, зал, наполненный свечами, драгоценностями, бальными платьями и костюмами.

– Я ваш должник.

Его взгляд сказал многое. Я могу остаться, если захочу. Они не будут против моей компании и даже рады лишнему мечу, но настаивать не станут.

Я повернулась и, уже не оглядываясь, зашагала в лес.

По широкому кругу обошла поляну и вышла к спрятанным мешкам. Нога начала ныть, неприятно, но терпимо. Больше беспокоили накатывающая временами слабость и шум в ушах.

Дошла до тайника и с облегчением свалилась на мягкий мох, полежала, приходя в себя. Как же все не вовремя и некстати... Затем полезла в мешок в поисках аптечки. Еще в дороге я проверила, что мне собрала мама. Точно помню, там была восковая повязка для ран. Ага, есть.

Засыпала рану обеззараживающим порошком, сверху наложила восковую повязку, постаравшись крепко зажать края раны, замотала бинтом. Рана на ноге – неприятно, но не смертельно, даже перевязать самой можно, а ведь могло быть гораздо хуже.

Вспомнила бой, содрогнулась, и по спине пополз холодок запоздалого страха. Накатило одиночество. Если бы сейчас рядом были отец и брат... Они бы точно знали, что делать. Они бы прикрыли спину полоумной княжне, бросившейся спасать незнакомцев в лесу.

Но я одна. Решения и ошибки теперь только мои. Хотя... даже знай я наперед, что меня ранят, не смогла бы пройти мимо и не помочь. Глупо, но поступить по-другому – словно отравить часть себя, лучшую часть.

Вставать с уютного мха не было никакого желания, но вечер только намекал на свое присутствие, да и простая осторожность требовала убраться как можно дальше от поляны.

И снова лес, все больше напоминающий складчатую шкуру неведомого животного. Холмы, холмы... Иногда попадались болотистые участки, заросшие березами, осинами и лохматыми елками, которые я старательно обходила стороной. Березки уже начали менять зеленый наряд на золотой, но в целом осень радовала теплой и безветренной погодой и лишь готовилась проявить свой скверный дождливый характер.

Несколько раз возвращалась к ручью, чтобы проверить направление и не заплутать. Срубила себе толстую палку и шла, опираясь на нее, – берегла ногу. По дороге доела остатки пирогов, допила молоко, а бутылку утопила под корягой в ручье. Глаз цеплялся за шляпки грибов, рука сама тянулась их собрать, но я себя одергивала. Таскать еще и грибы?! Если совсем закончится еда, можно будет сварить грибную похлебку, но пока мне даже за ягодами лень нагибаться.

Меч оттерла на обратном пути от поляны, а револьвер оставила заткнутым за пояс. Я только передвинула его на бок, но убирать в шкатулку не стала. Паранойя? Быть может. Но сталь под рукой и оружие на поясе добавляли мне уверенности, которой значительно поубавилось после поединка с гвардейцем. И лес не казался больше таким уж солнечным и приветливым, а глядя на мох, я вспоминала, как ярко алела кровь на серебристых листьях.

На ночлег устроилась в уютной низине, со всех сторон защищенной холмами. Не

слишком надежное место, но другого не наша. Зато рядом небольшое болотце, где можно было нарвать лапника на лежанку. Водой я запаслась заранее, из ручья. Погрызла яблоко и легла спать.

Как ни странно, даже заснула. И кошмары меня не мучили. Собственное хладнокровие удивляло, и, поразмыслив, я решила, что причина моего спокойствия в нынешнем одиночестве. Закатывая истерику, мы надеемся на сочувствие, на человеческое сопереживание, а откуда взяться сопереживанию в лесу? Я просто запретила себе думать о том, что произошло. Да, убила, да, было страшно, но это была вынужденная мера самозащиты, и ничего больше. А жалеть себя буду потом... когда окажусь в безопасности.

Проснулась посреди ночи от дикого холода. Огромные звезды горели на темном небе, вокруг серебрились стволы сосен, под холодным лунным светом лежали сиреневые тени. Стояла оглушительная, замороженная тишина. Слышны были лишь стук собственного сердца да звук дыхания, паром вырывающегося изо рта. До проклятого было холодно. Так холодно, что тело коченело, и я переставала чувствовать руки и ноги.

В бездну скрытность, если я сейчас просто помру от холода.

Встала и, трясясь мелкой дрожью, поднялась на холм. Где-то здесь лежала упавшая сосна, не выдержавшая сражения с зимними ветрами. Нарубила веток, торопливо развела костер.

Огонь накрыл приятным теплом, и меня снова потянуло в сон. Проснулась от того, что чуть не упала прямо в костер. Пришлось отодвигаться на лапник, укрываться плащом и дремать.

С первыми лучами я встала. После холодной ночи ныла нога, и я решила, что имею право себя побаловать. Скрытность все равно нарушена, так почему бы этим не воспользоваться.

Раздула угли, вылила из фляги воду в котелок и сварила пшеничную кашу, добавив туда яблок. Отдельно в кружке вскипятила чай. Завтрак вышел ну просто княжеский.

Когда окончательно рассвело, отправилась дальше, замаскировав, насколько возможно, стоянку.

Первым делом решила вернуться к ручью. Направление я помнила, но, оказалось, не совсем верно. Это был непростой час в моей жизни, пока не показалась полоса густого зеленого мха, растущего по берегам ручья.

Окончательно наплевав на маскировку, решила больше не удаляться в сторону. Вдоль ручья шла приятная тропинка, идти было легко, но вскоре утоптанность почвы под ногами начала настораживать. Нехорошо. Кругом холмы, я иду вниз по тропинке – здесь явно часто ходят. Ручей местами причудливо изгибался, и Трехликий знает, кто там из-за поворота ко мне навстречу вывернет.

В итоге решила подняться на холм и идти поверху. Здесь тоже была тропинка, но менее утоптанная, что меня вполне устраивало.

Первой на приближение незнакомцев отреагировала сойка. Зло крикнула что-то метрах в ста от меня. Дважды повторять не пришлось. Я упала тут же, одним движением стащила мешки, справа выложила револьвер, слева меч. И голову пониже, и сильнее вжаться в мох, а глаз с тропинки не спускать.

Они показались минут через семь. Серо-голубые плащи, каски, тихий шаг мягких кожаных сапог. Пятеро. Идут к нам. Северные, больше некому. Зачем? А проклятый их знает. Разведка, диверсия... Мне все равно. Лишь бы прошли быстрее, да наверх особо не

поглядывали.

Не знаю, что заставило меня бросить взгляд на ту сторону ручья. Везение Таль-Сорецки? Скорее всего.

Существо лежало четко напротив. Огромная черная туша с полуметровыми шерстинками игл на загривке. Приплюснутая морда, полная острых зубов, растопыренные лапы, впившиеся когтями в мох, кожаные крылья, повисшие складками по бокам, и я знала, что где-то там, позади, подергивался в предвкушении охоты тяжелый хвост с рядами ядовитых шипов.

В памяти тут же всплыла выдержка из справочника: «Шатар. Красная двадцатка. Уничтожение на месте. Первоочередно».

Во рту пересохло, и мысли почему-то были только об одном – странное какое-то у меня везение. Ну разве нельзя было организовать встречу с зайчиком или волком, на крайний случай. Хотя какой зайчик? Там, где обитает шатар, не выживает никто: ни зайчик, ни волк, а уж про княжон вообще молчу.

Шатар смотрел на меня, я на него, а северяне подходили все ближе. Он был явно молод, нетерпелив, и оттого маскировка сбоила, как плохая иллюзия. Тварь то пропадала из виду, сливаясь со мхом, то, как из пустоты, темной кляксой возникала на вершине холма.

Я отложила в сторону револьвер, под правую руку взяла меч. Тварь сузила черные глаза и медленно, беззвучно обнажила зубастую пасть. Знает, сволочь, что это такое.

Как ни странно, но стрелковое оружие приживалось в нашей стране крайне медленно и без энтузиазма со стороны населения. Последняя серьезная война закончилась почти сто лет тому назад, а пара приграничных конфликтов да помощь соседям не смогли пробудить у нашего министерства интерес к перевооружению армии. Ситуация кардинально изменилась лет пятнадцать назад, с приходом к власти Эдгарда Третьего. Стали спешно закупать ружья и пушки, выдавали деньги промышленникам на строительство собственных предприятий. Под это дело в обязательном порядке вооружили все отделения – тайные и явные, имеющие отношение к охране порядка в стране. Стрелковые школы открывались по всей Шарналии.

Народ вооружался, но от мечей отказываться не спешил. Дело в том, что магически созданным тварям пули были не страшнее щекотки. И, чтобы перебить силовые линии, на которых держалась жизнь существа, требовалась хорошая, с добавлением серебра сталь – и обязательно заговоренная от нечисти.

Серебряные пули работали лучше, всякую мелочь разносили вдребезги, но стоили дорого, да и всякий раз выбрасывать несколько граммов серебра мог позволить себе не каждый.

А от встречи с шестилапой, с пятью рядами зубов и двумя хвостами тварью не застрахован был никто. Да, подобные создания находились под запретом, и мага, уличенного в нарушении закона, могли лишить лицензии или упечь в камеру, но ежегодно патрули вылавливали с десятков новых тварей, а морги пополнялись свежими трупами.

Говорили, что каждый маг рано или поздно не выдерживал искушения попробовать себя в роли демиурга и сотворил что-нибудь эдакое, как правило, зубастое и ядовитое. Все-таки жажда разрушения у нас в крови.

Иногда силы экспериментатора, как и его здравый смысл, давали сбой, и тогда тварь вначале закусывала своим создателем, а затем отправлялась на поиск новых жертв.

Работы у маг-патруля всегда хватало, да и простые граждане привыкли быть начеку. Впрочем, и обычной нечисти в Шарналии пребывало с избытком. Недобрая смерть, лютая

ненависть, злоба, частые ссоры – негативные эмоции притягивали многих тонких существ, давая им силу, питая и перерождая в осязаемую плоть, которая сама уже могла нападать на людей.

Кроме патруля за уничтожение нечисти охотно брались монахи ордена Святого воителя Динатроса и кое-кто из наемников, которые по силе дара не прошли испытания на магическую степень, зато вполне годились для несложных дел. Расценки патруля были высоки, но в случае чего их можно было привлечь к ответу за некачественную работу. Монахи работали за вознаграждение, а зачастую бесплатно, но вполне могли отказаться от работы, посчитав, например, визит нечисти возмездием или наказанием. А вот наемники брались за любое дело, и оплату можно было сторговать поскромнее, и языками они не болтали, но все это в том случае, если объявившаяся тварь не входила в Красную двадчатку. С тварями из двадчатки наемники практически не связывались – себе дороже.

Сложно поверить, что двадчатку создал один человек. Его настоящее имя давно уже стерлось из истории, а вот прозвище Красный, данное за пристрастие к одежде красных оттенков, осталось.

Маги хранили свои секреты надежнее государственных, а потому личность Красного была овеяна многочисленными домыслами и легендами. Доподлинно известно, что он по какой-то причине невлюбил людей, удалился в глушь и занялся созданием магических друзей. Его попытались вернуть в общество и рамки закона. Красный ответил созданием защитников. И пошло-поехало. Сколько магов полегло при уничтожении Красного, скрывалось до сих пор. Говорили, что в итоге, когда стало совсем жарко, Красный пожертвовал собой ради своих созданий. Просто позволил себя убить, отправив зверюшек прочь.

Маги вздохнули свободнее и занялись рутинным делом – выписав двадцать ордеров на уничтожение разбежавшихся монстров. Но оказалось, что Красный ушел из жизни не просто так, а оставив бо-о-ольшую такую подлянку. Не зря же до сих пор при упоминании его имени у магов начинается нервный приступ.

Искусственное создание не может создавать себе подобных. Это закон. Оно уникально и существует либо за счет потраченной на него энергии, а затем само развеивается, либо учится эту энергию добывать извне, и тогда его жизнь оборвет сталь или заклинание.

Через некоторое время динаросы сообщили о паре уничтоженных ими тварей, в которой одно из существ было самкой, а второе самцом. Однако в министерстве отмахнулись, трусливо решив, что произошла ошибка.

Но когда через полгода патруль наткнулся на гнездо тафселей и срочно запросил поддержку, министерство магии погрузилось в панику, слышались даже призывы ввести в стране военное положение, а королевский двор эвакуировать. Постепенно страсти улеглись, и здравый смысл возобладал. Военное положение вводить не стали. Дело тихо замяли, когда поняли, что твари не обладают плодовитостью крыс и не собираются в ближайшее время наводнить страну.

Магам пришлось смириться с потерей неоценимого по значению открытия – все свои записи по созданию самовоспроизводящихся тварей Красный уничтожил лично. Ну а охотникам за чудовищами пришлось изучать двадчатку, как молитву на ночь.

Как можно любить шатара, я себе слабо представляла, зато в качестве кого меня полюбит монстр – можно было и не гадать, в качестве десерта, не иначе. Пятерку северян – основное блюдо – шатар приметил давно и выбирал удобное место для засады, которое по

случайности оказалось рядом со мной.

Так и есть, посверлив меня плотоядным взглядом и сладко облизнувшись широким ярко-фиолетовым языком – меня аж затошнило от омерзения, – тварь переключила внимание на основное блюдо, приближающееся к месту предполагаемого обеда. Я же от нее никуда не денусь. Она пожрет хорошенько, а затем догонит и прикончит десерт. В лучшем случае я успею пару раз мечом взмахнуть, прежде чем меня освежают.

Что делать? Острое чувство беспомощности ударило по нервам, заставляя до крови прикусить губу. Страшно не было. Было до проклятого обидно погибнуть вот так нелепо, когда до цели оставалось всего ничего. И стоило бежать из дома, чтобы встретить смерть в глухом лесу? Здесь даже останки мои похоронить будет некому! Ну почему я на самом деле не ведьма?!

Северяне уже пересекли воображаемую черту и находились как раз между мной и шатаром. Первыми шли трое. Винтовки за спинами, каски, плащи... Обычные вояки. А вот двое замыкающих группу от них отличались. Оружия за плечами видно не было, на головы надвинуты глубокие капюшоны.

Маги? Скорее всего. Дед рассказывал, что так ходят, когда используют магическое зрение, дабы не отвлекаться по сторонам. Значит, меня уже засекли, а вот шатара нет. Тварь отлично экранируется, как и все создания Красного.

Шатар – умный и атаковать будет сзади, чтобы первыми выбить магов. Трое оставшихся не станут проблемой, если только кто-нибудь из них не мастер меча.

Тварь предвкушающе облизнулась, распрямила кожистые крылья и приготовилась к прыжку. Время застыло. Я видела, как маги замедлили шаг, как покрутил головой один из них. Северяне явно что-то почувствовали, но у них не было уверенности, кто собирается их атаковать. И сейчас эта неуверенность была лишь на пользу шатару. Они точно не ждали нападения с той стороны. Ситуация складывалась скверно. Очень скверно.

Фляжка удобно легла в руку, я откатилась к ближайшей сосне и, пристав на колено, сильно замахнулась для броска. Фляжка, полная воды, полетела на удивление ровно и туда, куда нужно. Она смачно впечаталась прямо в черную морду шатара. На мгновение тварь окаменела от удивления и моей наглости, а затем с оглушительным визгом сорвалась в атаку. Но этого мгновения, когда шатар потерял над собой контроль и стал видимым, северянам хватило, чтобы встретить его достойно.

Я скатилась вниз. За спиной слышались звуки борьбы. От высокого, замораживающего визга хотелось закрыть уши и бежать, бежать, но вопли людей, звуки ударов и треск щитов удерживали меня на месте. Еще есть надежда, есть.

Наконец звуки затихли, и я тихонько поползла вверх – без мешков и оружия я в лесу не жилец. Да и вообще не жилец, если на дороге меня встретит обедающий монстр.

Шатар рассеченной кляксой лежал на зеленом мху. Его морда с остекленевшими глазами бессмысленно смотрела в небо, одно крыло отсечено напрочь, второе распласталось на земле. Изогнутые лапы врылись когтями в мох, в последнем усилии достать и порвать врага, а хвост валялся в паре метров выше по холму.

Глава 4

Знакомства не всегда бывают приятными

Впечатляющее зрелище. Мне удалось попасть в число счастливиц, которые не просто встретили шатара, а еще и остались при этом в живых.

Двое мужчин стояли около монстра, что-то тихо обсуждая, а третий, сидя на корточках, сосредоточенно ковырял ножом в пасти шатара.

Стоп. Трое, а где остальные два? Уже понимая, что сейчас увижу, я медленно повернулась.

Они даже винтовки не сняли, просто стояли рядом и наблюдали, как я рассматриваю место сражения, до проклятого спокойные и самоуверенные. А ведь я не услышала, как они подошли.

Ближе ко мне, опершись о ствол сосны, стоял парень на пару лет старше меня, не больше. Тоненькие рыжие усы над губой, светло-зеленые глаза. Симпатичное, чистое лицо, вот только взгляд острый как бритва, от него у меня сразу мурашки по коже забегали. Да и какая разница, сколько ему лет, когда в глазах холодная рассудительность убийцы.

Второй постарше. Круглое лицо в оспинах, тяжелый взгляд черных глаз, полоска шрама перебивает бровь.

– Сам встанешь или помочь?

Я молча потянулась за палкой. Северяне напряглись, затем заметили повязку на ноге и снова расслабились. Встала. Так же молча отстегнула кинжал, бросила на мох. Распахнула плащ, показывая, что ничего больше нет.

Старший не поверил. Прошелся хлопающими движениями по ногам и поясу, проверил сапоги. Удовлетворенно кивнул второму, затем подобрал и кинул ему кинжал. Тот поймал на лету, вытащил лезвие, удивленно присвистнул.

– Время, – одернул старший, и мне на плечо легла тяжелая ладонь.

Мы неспешно двинулись к тропе, пока рыжий собирал мои вещи. Я не дергалась, понимая, что бесполезно. Меня скрутят быстрее, чем я подумаю о бегстве, да и многое сейчас зависит от моего хладнокровия.

– А вот и наш спаситель! – Молодой успел нас догнать и даже опередить наше появление своим шутовским возгласом, когда меня вытолкнули на тропу.

Один из магов повернулся и шагнул к нам, второй лишь бросил искоса взгляд, не переставая ковыряться в пасти шатара. Что он там ищет? Золото? Третий мужчина без интереса мазнул по мне взглядом, его сейчас больше волновала собственная рука. Сквозь широкую прореху плаща была видна страшная рваная рана.

Маг подошел, и, кажется, я даже не вздрогнула и не закрыла глаза, когда лезвие меча сверкнуло у моего лица. Северянин поддел кончиком лезвия трилби и сбросил ее на землю.

– Спасительница, – поправил он.

Рыжий удивленно вздернул брови и ругнулся вполголоса, а мне осталось лишь проклинать про себя не в меру внимательного мага.

Рыжий тем временем скинул мои мешки, сверху бросил меч, кинжал, аккуратно пристроил револьвер.

– А она, случайно, не родственница тебе, командир? – уточнил он вдруг, беря кинжал в

руки. Пусть даже не мечтает, все равно его не получит. – Смотри, как похожа.

Я напряглась. Последнее время любые намеки на мою внешность грозили неприятностями.

– Нет, Циркач, ты ошибся. – Маг скинул капюшон, и на меня с холодной ненавистью глянули голубые глаза. – Она не наша родственница, а что похожа, – к ненависти добавилось презрение, – так на то есть причины, не так ли, госпожа шпионка?

Я молчала и глупо хлопала ресницами, не в силах справиться с удивлением. Ледяной? Без сомнения, это он. Светлое серебро волос и до потусторонности яркие голубые глаза. Ледяной! Прямо передо мной! В груди потеплело от радости и облегчения. Я ведь рассчитывала добраться до них нескоро. Вот так удача!

– В ней действительно нет дара? – Второй маг подошел к нам, что-то заворачивая в ткань. На мгновение в складках мелькнула отливающая желтизной поверхность зуба. Как я могла забыть, что у шатара два ядовитых зуба, а яд в них крайне редкий и ценный.

– Нет, я проверил дважды. Она не может быть ледяной.

И настроение окружающих меня людей мгновенно изменилось. Исчезли даже крохи дружелюбия, которые проглядывали сквозь настороженный взгляд рыжего, а до меня наконец дошел смысл вопроса. Он назвал меня шпионкой...

А собственно, кто я в их глазах? Непонятная девица с обрезанными волосами, без дара, но с внешностью ледяных. Направляющаяся в сторону фронта, да еще и с оружием. Наверяд ли они в курсе про охоту на ведьм. А если и в курсе, то кто поверит, что я не использую легенду о ведьмах как прикрытие? И что мы не коллеги, находящиеся по разные стороны линии фронта?

– Как твое имя? Откуда ты родом? Что ты делала здесь, в лесу? И куда идешь?

Вопросы, вопросы. Они окружали, давили, и паника поднималась снизу, не давая сосредоточиться. Казалось, любое мое слово будет выглядеть ложью, а ложь, выглядящую как правда, я придумать не успевала.

– Нечего сказать?

Насмешка в ледяных глазах становилась невыносимой.

– Может, она немая? – Второй маг скинул капюшон.

Сердце зашло от восторга. Тоже ледяной, и, судя по внешности, младший брат первого.

– Меня зовут Лэриш. – Голос был хриплый и будто чужой. Тяжело обуздать эмоции, когда перед тобой мечта детства. Не так я представляла себе нашу встречу, совсем не так. В глазах ожидаемо защипало, и я опустила взгляд на тропу, скрывая слезы.

Умом я осознавала причины и следствия, но сердцем понимать не хотела. И оттого в груди болело и жгло. Сердце упрямо не верило, что ледяным, как и проверяльщикам, важен дар, а не я сама.

Пора взрослеть, княжна. Видишь ли, мечта и реальность – разные вещи. И хорошо, когда мечта остается лишь мечтой. Когда она разбивается о реальность – гораздо больнее.

– Лэриш? – вскинул брови маг.

Удивлен? Да, у меня два имени. Одно – северное, второе для таких, как ты, южное.

Мне стало легче дышать. И проще переносить ненависть в голубых глазах. А сердце... оно глупое, поболит и перестанет.

– Полное имя назвать не хочешь? – сделал попытку помочь мне младший. Он молод, чуть старше меня и не так быстр в осуждении других. Ему в самом деле хочется, чтобы я

оказалась доброй и хорошей девочкой и прямо сейчас представила доказательства своей невинности.

Прости, ледяной, но мои доказательства только для родни деда. Для остальных это лишь слова, а твой брат словам не верит.

Да и что мои доказательства против очевидного? Одинокая девушка пробирается в сторону фронта. Дара в наличии нет, значит, она лишь похожа на ледяных. Зачем тогда ей предпринимать столь опасный переход? С какой целью рисковать жизнью?

Я действительно ледяная лишь на четверть. Ирония заключается в том, что для Тайной канцелярии этой четверти достаточно, чтобы меня арестовать, а вот чтобы меня признали ледяные – нет.

И мелькнула тревожная мысль – а не было ли ошибкой пытаться пробраться к родственникам деда? Что, если меня встретят так же? Но ответить на этот вопрос я смогу еще не скоро, если вообще смогу. Случится худшее – уйду на вольные хлеба. Последние дни заставили многое пересмотреть в моих взглядах на жизнь. Я поняла, что вполне могу прожить без приемов, платьев и драгоценностей.

– Или у тебя нет родового имени?

Насмешка в голосе ледяного слишком явственна, чтобы ее можно было не заметить. Внутри всколыхнулась волна ненависти. Да как он смеет мне устраивать допрос? Мне, княжне Таль-Сорецки, указывать, что говорить?!

Я подняла голову, расправила плечи и твердо встретила его взгляд.

– Нет!

Не стану я пачкать родовое имя подозрениями в шпионаже. Пусть останется просто Лэриш, пока не найду способ доказать свою невинность. Княжна уйдет в прошлое, все равно от титула сейчас никакого толку.

Ледяной кивнул, словно ожидал подобного ответа.

– Циркач, Сказочник, убрать шатара с тропы. Сойка, помоги Зеленому с рукой. – Он распоряжался так, будто меня здесь уже не было. – И быстрее, мы и так выбиваемся из графика.

– А что с ней? – кивнул на меня младший.

Маг подарил мне долгий взгляд, и на этот раз насмешки в нем не было. Сердце замерло, а в голове успела промелькнуть страшная мысль: все, добегалась. Ну не абсурдно ли будет погибнуть от рук своих?

– Возьмем с собой. Полковник захочет с ней поговорить.

– А если я не захочу?

Ледяной тонко усмехнулся, и сразу стало ясно, что мне озвучат очередную гадость.

– Сейчас осень. У всех животных подрастают детеныши.

Он намекает, что по округе бродит жаждущая отомстить за гибель отпрыска мамаша? В таком случае между шатаром и северянами я выберу северян.

Они действительно торопились. Пока убрали останки шатара, Сойка залечил рану Зеленому. Потом присел около меня.

– Твое? – Протянул флягу. Надо же, а я с ней уже попрощалась.

– Спасибо. – Я взяла и не смогла не улыбнуться. Даже не верится, что они братья. Старший напоминает застывший кусок льда, а младший – словно прохладный ветерок в жаркий летний день.

– Давай посмотрю, что с ногой.

Морщась, сняла повязку. Лес, я сижу на мху, а незнакомый мужчина, которому я даже не представлена, видит кусок обнаженной кожи бедра. Да моя преподавательница этикета в обморок бы грохнулась от такого зрелища! И плевать, что на коже надрез, я в штанах, и мужчина – целитель. Проклятые приличия!

Нет, я точно неправильная княжна. Прикосновения прохладных пальцев приятны, и мне ни капельки не стыдно.

– Видишь, края багроветь начинают? – Он обвел пальцем рану. – Это заражение.

И почему я не удивлена? Сегодня не мой день. Дожить бы до вечера и не отправиться за грань.

– Я сейчас почищу рану, но закрывать не стану. Завтра проверим, а после заживим. Хорошо? А на командира не злись. Хоть ты нам и помогла, он не может доверять первому встречному.

Я понимала, но все равно злилась.

– И зря ты не стала с нами говорить.

Да, наверное, стоило попытаться. Но ненависть в голубых глазах плохой помощник откровению.

– Вот и все. – Он отнял руку. – Помочь перевязать?

– Спасибо, я справлюсь.

От одной мысли, что его руки будут еще ближе, мне стало плохо, а щеки загорелись румянцем.

– Вы закончили? – холодно осведомились за моей спиной.

Вымораживающий тон командира, и смущение испарилось как не бывало. Захотелось вскочить и сделать что-то такое... совсем непозволительное для княжны, но я сдержалась. Сжала зубы и представила себе, как вызываю ледяного на поединок. Эх, с каким наслаждением я бы попинала наглеца!

– Да, закончили. – Сойка поднялся и бросил на меня быстрый взгляд. Показалось, или в нем действительно промелькнуло сочувствие?

– Тогда нас ничто больше не задерживает, не так ли?

Мы шли по тропе в сторону фронта. Вечерело, и данное обстоятельство не могло не радовать. Ведь с закатом закончится этот проклятый день, а с ним мое невезение. Пройти столько по лесу, чтобы теперь наслаждаться прогулкой по собственным следам – «отличное» времяпрепровождение!

То-то удивятся господа из Тайной канцелярии, когда я выйду из леса им прямо в руки. «Простите. Передумала. Решила вернуться».

Принесло же северян на нашу сторону именно сегодня! И угораздило меня на них нарваться!

Магические наручники ничего не весили. Они почти не ощущались на руках, но запястья под ними все равно жутко чесались.

– Собьешь настройку, включится защита, – пригрозил, не оборачиваясь, командир.

Я оставила в покое запястья и переключилась на окружающие пейзажи. Знакомые холмы, поросшие зеленым и серебристым мхом, крупные ягоды ландышей, оранжевыми точками выделяющиеся на зелени мха, разноцветные шляпки грибов и стройные стволы сосен, тянущие к далекому небу пышные кроны. Лес был все так же величествен и

прекрасен. Только сейчас мне было не до красот. Глаз цеплялся за вершины холмов, выискивая среди серебра и зелени черную тень шатара.

Глупейшее занятие. Монстр становится видимым только в момент атаки, до этого отлично мимикрируя под окружающую среду. И выглядывать его среди сосен так же бессмысленно, как пытаться угадать, когда за тобой придет смерть.

Я усилием воли перевела взгляд на тропу, долго рассматривала спину идущего впереди ледяного, но затем боковое зрение выхватило странную тень от куста. Сердце замерло, провалилось куда-то в желудок, а затем сорвалось в бешеный галоп. Я сбилась с шага и долгие несколько мгновений вглядывалась в ту сторону, пока не поняла – просто тень, просто куст, и ничего больше.

– Послушай, Лэриш! – Командир резко остановился и обернулся ко мне.

Затормозить я не успела и врезалась в его грудь. Ойкнула и шагнула назад. Ледяной окинул меня злым взглядом. Ему есть от чего прийти в ярость. За последние десять минут я второй раз наступаю ему на пятки. И во всем виновато чувство самосохранения. Оно решило, что чем ближе я буду к ледяному, тем больше шансов у меня выжить.

– Пусть ты не умеешь ходить по лесу, да еще сопишь так, что за сотню метров слышно, но хотя бы соблюдать дистанцию в отряде ты можешь?

Я почувствовала, как запылали уши. Последний раз меня так отчитывали в детстве, когда я опрокинула вазу с цветами на классную даму.

– Не лучше ли тогда оставить меня здесь?

Руки сжались в кулаки. Я не позволю всяким ледяным сравнивать меня с пыхтящим ежиком. И хожу я нормально. И на ветки стараюсь не наступать, но когда ты целый день на ногах, а за плечами нелегкий мешок, попробуй при этом еще неслышно дышать!

– Отшельник, ты несправедлив к девушке, – вступился за меня младший. – Сначала запугал, а теперь ругаешься.

Старший смерил его тяжелым взглядом. Ему явно не понравилось заступничество брата. Мне отвечать он не счел нужным, просто повернулся и пошел дальше.

– Не бойся, – подмигнул Сойка, – шатары рождаются сразу самостоятельными и уходят жить отдельно. Да и пары не образуют. Они им не нужны для размножения.

Вот же пакость! Этот... я даже слово не могу подобрать, меня нагло обманул! А я, как ребенок, поверила.

Двадцатку мы проходили еще в школе, но подробности размножения тварей в женской гимназии давать не считали нужным.

Шатар был забыт. Я шла, сверля спину ледяного ненавидящим взглядом. Спина оставалась абсолютно спокойной и никак не реагировала на мою ненависть, отчего к злости примешивалась обида.

Злилась и обижалась я недолго. Очень скоро мы увеличили темп, и усталость начала давить на плечи, спина вспотела, а рубашка неприятно липла к коже. И весь мир сузился до тропы, шагов и тяжести мешков.

Командир смотрел на небо, на уходящее за горизонт солнце, ругался сквозь зубы и ускорял шаг.

Мы свернули с тропы, идти стало труднее. С меня сняли мешки, чтобы я не тормозила отряд, и все равно во взглядах, которые кидал на меня Отшельник, читалось огромное желание прибить пыхтящую за спиной девицу и бросить в лесу.

Последние часы я шла на чистом упрямстве. Считала шаги, уговаривая себя

продержаться еще одну сотню, а потом все – пусть убивают, пусть бросают, я с места не сдвинусь.

На мох легли глубокие сиреневые сумерки, а от красного шара солнца остались лишь розовые перистые облака на горизонте, когда мы наконец пришли. На поляне уютно горел костер, бросая на стволы сосен желтые отблески, вкусно пахло мясной похлебкой.

При нашем появлении люди, сидящие у костра, повскакивали с мест, хватаясь за оружие. Северные же стояли спокойно, не делая резких движений. Одна я оперлась о ствол сосны, раздумывая, сползть вниз или продержаться еще немного.

– Мир вашему крову и покой вашему сердцу, – шагнул вперед командир.

– Наконец-то. – Ближе всех стоящий к нам мужчина опустил меч и облегченно вздохнул. – Мое сердце переполняет радость от нашей встречи, – произнес он ответную фразу.

Этот приятный баритон с четко поставленной речью я уже слышала вчера и не могла не узнать.

От неожиданности даже усталость отступила. С другой стороны, если рассмотреть ситуацию в целом, все очень логично. Мальчика вывозят из страны, северные согласились помочь и обеспечить прикрытие. Выводы... на выводах усталый мозг споткнулся и запросил пощады.

Я вместе с отрядом вышла из-под укрытия сосен.

Пьетро мазнул по мне взглядом и слегка склонил голову, услышав имя, но тут же перевел взгляд на остальных членов отряда. Внутри потеплело. Осторожный. Не разобравшись, не стал кидаться с криком: «Я вас знаю!»

Командир представил нас всех, и под уютный треск костра позывные членов отряда звучали весьма органично: Сойка, Зеленый, Сказочник и Циркач.

Пьетро в свою очередь назвал себя и своих спутников: Литорн и Вайкард. Он тоже не стал озвучивать титулы и полные имена, хотя мне было любопытно, кто числится у меня в должниках. Такая плавная и правильная речь была характерна для жителей столицы, а если учитывать мое внутреннее ощущение от этого человека, я бы предположила, что он очень часто бывает во дворце.

Внезапно зашевелился плащ, брошенный около костра, из-под складок высунулась светлая головка. Мальчик оглядел нас, сонный взгляд остановился на мне.

– Вы! – Он попытался вскочить, запутался, упал, встал на четвереньки и наконец выбрался из-под плаща. – Дядя Пьетро, я же говорил, что она вернется, а ты не верил!

На северных я старалась не смотреть. И так понятно, что это мое знакомство для них полная неожиданность.

– Тише, малыш, всех птиц в лесу разбудишь, – попытался Пьетро урезонить мальчугана, но тот легко вывернулся из его рук и подбежал ко мне.

Я присела на корточки, заглянула в лицо ребенка. На меня с восхищением глянули голубые глаза, и сердце тревожно сжалось.

– Ты так здорово дралась! – Он быстро перешел на «ты». – Даже лучше моего кузена, а ему уже пятнадцать. Научишь?

Я беспомощно взглянула на Пьетро, тот улыбнулся и качнул головой.

– Знаешь, мужчину должен учить мужчина. – Я взяла мальчика за руку, поразившись, какие тонкие и длинные у него пальцы. – Уверена, лучше учителя, чем дядя Пьетро, тебе не найти, а если хочешь научиться ходить по лесу, попроси Отшельника. Он ходит тише мыши.

– Да? – Мальчик бросил заинтересованный взгляд в сторону ледяного, а я мстительно улыбнулась.

– Думаю, здесь не только ему стоит поучиться ходить по лесу, – заметил в ответ командир, и улыбка померкла, стоило мне представить одну только возможность наших совместных занятий.

– А давайте пройдем к костру, – вмешался Пьетро. – Мы вас ждали, еды на всех хватит.

Они отошли в сторонку, чтобы без помех поговорить. Встали боком, не выпуская из виду костер и поляну.

– Что у вас произошло? – сразу перешел к делу Отшельник.

– Нас потрепали по пути сюда, – скривился Пьетро, потирая бок, куда достал клинок гвардейца. – Сначала нарвались на одних, ушли, потом встретились лоб в лоб еще с десятком. Пришлось принять бой.

– Что за сказки вы мне рассказываете? – сузил глаза ледяной. – Какие отряды? Откуда здесь взяться гвардейцам? Вас пустили по самому безопасному маршруту. Ваша задача была, не привлекая внимания, добраться до леса и выйти к назначенной точке. Вы понимаете, сколько усилий было потрачено на разработку этого прохода? Сколько людей мы вывели через эти места и планировали вывести! А теперь все проклятому под ноги.

– Не орите на меня, капитан! – На щеках Пьетро заиграли желваки. – На том холме остался мой человек, мы даже похоронить его по-человечески не успели. И в вашем так называемом безопасном проходе было полно гвардейцев, как мышей в амбаре.

– Ладно, не кипятитесь. – Северянин в раздражении пнул шишку, и та стукнулась о ствол, отскочила и, подпрыгивая, покатила по мху. – Теперь уже не важно, где произошла утечка. Пойдем запасным маршрутом. Что с девчонкой?

– Не знаю, кто она. Вышла на нас сама, двоих положила из револьвера, третьего проткнула мечом. Дерется действительно хорошо. И школа необычная, чем-то на вашу похожа.

– Похожа, – недовольно качнул головой Отшельник, – вот именно, что похожа. И внешне и оружие, а как оно на самом деле...

– Не знаю, что у вас там за дела, но она спасла нам жизнь и...

– Не вмешивайтесь, – резко осадил его Отшельник, – это наши внутренние дела. Разберемся сами. Лучше готовьте своих людей. Выходим через шесть часов. Пойдем ночью.

– А как же ребенок?

– Понесем по очереди. У меня в отряде целитель. Он осмотрит всех раненых.

– Хорошо. – Пьетро склонил голову, соглашаясь. Кинул внимательный взгляд на северного, хотел добавить что-то, но не стал.

Не время сейчас устраивать разборки, выберутся, тогда можно подумать, как помочь девчонке. Не верил он, что она виновата в чем-то серьезном, скорее всего Лэриш такая же жертва этой войны, как и они сами.

Глава 5

Скелеты в чужих шкафах

Около костра было тепло. Весело потрескивали сосновые деревяшки, смолистое дерево горело беспокойно, часто выстреливая вверх целые россыпи ярких точек. За спиной таилась холодная ночь, но здесь, в кругу пламени, было по-домашнему уютно, вкусно пахло мясной похлебкой и травяным чаем. Давно уже спал малыш, трогательно обняв за шею Литорна. Мужчина придерживал его одной рукой, во второй держал кружку с чаем и время от времени делал из нее глубокий глоток.

Все еще бледный Вайкард после сеанса исцеления перестал походить на свежесподнятый труп, и на повязке больше не проступали пятна крови. Вайкард пострадал сильнее остальных, получив колотые раны в бок и плечо, это не считая мелких порезов и ушибов. Чудо, что он вообще сумел добраться на своих двоих до места встречи, не свалившись по пути.

Пьетро, которому досталось чуть меньше, сейчас получал свою порцию целительства, и на его широком лбу блестели капли пота. Сойка торопился, работал грубо, зато эффективно. Пьетро мужчина и потерпит отдачу от целительства, а тратить силы на обезболивание не слишком разумно в их обстоятельствах.

Отшельник поморщился – переход обещал быть нелегким. Сойка, конечно, хорош, но он не Трехликий. Что смог – подлатал, а лазарет им разводить некогда. Надо уходить. Не просто так в лесу появились южане. Не за грибами же они пришли.

Он кинул подозрительный взгляд на девушку, но тут же усомнился в своих мыслях. Нет, скорее всего это Пьетро случайно засветился и нарвался на гвардейцев.

Не нравилось ему все это, категорически не нравилось.

Полковник обещал, что их ждет не задание, а легкая прогулка по лесу. Мол, надо встретить мальчишку с сопровождающими и перевести на нашу сторону. За пацана особо просил его величество, а потому полковник отправляет их, лучших из лучших.

Отшельник на лесть не купился и затребовал полную выкладку по гостям. Выкладку ему не дали, назвав только количество гостей, пароль и точку сбора, заверив, правда, что проблем не будет, так как договоренность о передаче мальчишки северным достигнута на самом высоком уровне. Их сопровождение – лишь вежливая формальность, ничего больше.

Не все из высших чинов разделяли увлечение короля охотой на родственников северных, многие сочувствовали попавшим в опалу и помогали бежать. Пока ситуация коснулась лишь знатных семей, но ходили слухи о погромах в приграничных деревнях и потоках беженцев как на юг, так и на север.

Отшельник всегда недолюбливал подобные задания, от которых за километр несло политикой. Как показывал личный опыт, именно такие прогулки в дальнейшем оказывались трудновыполнимыми, с потерями в личном составе и всякого рода неожиданностями.

Он внимательно посмотрел на их первую неожиданность. Лэриш сидела неподвижно, держа в руках кружку с чаем, глаза устремлены на огонь, а короткие светлые волосы в отблесках пламени казались розовыми.

Девчонка выглядела явно младше Сойки. За такой еще должна ходить толпа нянек, хотя на юге девушки раньше выходят замуж, чем на севере, но все равно это не объясняет, почему

она оказалась одна в лесу, да еще и в приграничье. В пути явно не первый день. Что же погнало ее из дому – или кто?

Он и сам не понял, в какой момент подозрение в шпионаже стало уступать версии бегства. А если он заблуждается и тем самым ставит под удар весь отряд? Еще и Пьетро со своим благородством. Надавить на девчонку нельзя, тут же полезет заступаться, придется ограничиться разговором.

Он перешел на другую сторону костра, сел рядом с девушкой. Кашлянул, собираясь с мыслями.

– Не стоит засиживаться, мы рано выдвигаемся, – повторил он то, что уже озвучивал остальным.

Девушка не шелохнулась и вообще никак не реагировала на его слова. Он осторожно заглянул ей в лицо и понял, что она просто спит с открытыми глазами.

Усмехнулся, ну вот и нянька потребовалась. Аккуратно вынул кружку с недопитым чаем из рук, передал Сойке. Тот понятливо развернул плащ, бросил на срубленные ветви. Отшельник поднял девушку на руки, поразившись легкости ее тела, уложил на плащ, прикрыл сверху одеялом. Лицо Лэриш было бледным, под глазами залегли глубокие тени. Он только сейчас понял, насколько она устала. И ведь ни разу не попросила ни сбавить темп, ни устроить привал. Упрямая и... сильная.

– Не хочешь снять наручники? – спросил Сойка, когда он вернулся к костру.

– Уже, – ответил он, показывая два кольца на пальце, в которые трансформировались наручники после снятия. – Жалеешь? – осведомился, чувствуя, как внутри рождается недовольство.

– Не считаю целесообразным. Она не преступница, – пожал плечами брат.

– Утром снова надену. Пока не выясним, кто она и что замышляет, рисковать не стану, тем более сейчас, когда у нас гости.

– Она их уже однажды спасла, – напомнил Сойка.

– Это ничего не доказывает, – упрямо повторил Отшельник. – Все, разговор закончен. Ты сегодня не караулишь, и так выложился на южанах. Я дежурю третьим, так что давай спать.

Мне казалось, что мгновение назад я сидела около костра, впитывая тепло горящих сосновых поленьев и наслаждаясь горячим чаем с тонким ароматом дыма, когда меня настойчиво потрясли за плечо. Реальность ворвалась в сон болью во всем теле, ломотой в костях, сухостью во рту и начинающимся ознобом.

Открывать глаза категорически не хотелось, тем более вставать. По ощущениям, я отключилась минут на пять, не больше, и вот опять куда-то идти? Только не это. Организм был категорически не согласен и протестовал, как только мог.

– Тебя понести? – тихо осведомились над ухом.

Меня подбросило в воздух, и силы откуда-то появились. Отшельник довольно хмыкнул и отошел. Ну что за человек! Никакого сочувствия, одно издевательство.

– Выпей. – Сойка сунул мне в руки кружку.

Я осторожно принялась – питье ничем не пахло. Сделала глоток и скривилась. Гадость. Мерзкая, на вкус напоминающая опилки, приправленные смолой, отвратительно горькая. Оглянулась. При слабом свете затухающего костра с трудом различила остальных. Двое допивали Сойкину отраву, а Циркач даже поблагодарил. Чужой пример подействовал вдохновляюще. Я затаила дыхание и в пять глотков прикончила питье. Передернулась.

Никогда больше.

– Спасибо. – Вернула кружку.

– Готова?

К чему? К переходу по ночному лесу, дрожа от холода и с трудом переставляя не отошедшие после вчерашнего ноги? Конечно же нет. Хорошо еще, что Сойка, как и обещал, залечил рану, и она меня больше не беспокоила.

– Да, – ответила я, скатывая одеяло и закутываясь во второй плащ. Потянулась за мешком.

– Циркач, возьмешь ее вещи. – Из темноты бесшумно шагнул Отшельник. – Сказочник, на тебе ребенок. Сойка, сменишь его через час. Пьетро, как ваши?

Мужчина откашлялся:

– Бывало и хуже. Ваш целитель сотворил вчера чудо.

– Надеюсь, это чудо позволит вам продержаться до обеда.

Ответа не последовало, а мне захотелось умереть прямо здесь и сейчас. Он что, планирует идти без остановки до обеда? Да меня милосерднее прибить сразу, чтобы не мучилась долго.

– Идем, – мучитель потянул меня за рукав, – остальные догонят.

Фыркнула про себя. А то я не знаю, как мужчины гасят в лесу костер. Да и мне по пути надо в кустики отлучиться. Стесняться не стала. Просто попросила подождать и спустилась в темный овраг. Через короткое время вернулась и только потом сообразила, что наручников на руках нет и я вполне могла попытаться удрать. Ага, без вещей, еды и оружия. Самоубийственный побег.

Дальше мы просто шли. Я опять оказалась между Сойкой и Отшельником, только на этот раз Отшельник шел позади, и первое время от его взгляда чесалось между лопатками, затем ощущение пропало, а может, усталость взяла свое и стало все равно.

Уж не знаю, что там намешал в кружке Сойка, но в голове постепенно прояснилось, тело больше не ломало, и я проснулась, вынырнув из сомнамбулического состояния недосыпа.

Идти было легко. Не было за спиной тяжелого мешка, не оттягивал пояс меч. Как говорится, в любом состоянии можно найти преимущество. Интересно, что там порассказал вчера Пьетро, что с меня сняли наручники и не стали надевать? Внешне отношение северян не изменилось – все та же настороженная холодность, но открытую угрозу во мне видеть перестали.

Трикси, так вчера представили мальчика, подозреваю, это домашнее, а не официальное имя, уютно посапывал на руках Сказочника. Один из плащей приспособили в качестве переноски, закутав в него мальчика.

Наша семья ввиду сложной родословной старалась держаться подальше от дворца, потому близкие к королевскому роду семьи я знала не очень хорошо. Да и сопровождающие постарались скрыть принадлежность к семье мальчика. На одежде никаких нашивок, оружие обычное, но я могла поспорить на что угодно, что род Трикси близок ко двору. Ради простого, пусть и знатного южанина северяне не стали бы выдергивать группу из действующей части.

Серело. Постепенно просыпались птицы, а мы все так же шли по тропе. Я невольно узнавала эти места. Вон тот огромный камень, наполовину вросший в мох, стоит здесь, наверное, не меньше тысячи лет, а там смешно раскорячилась сосна, по веткам которой так удобно взбираться наверх.

Рассвет набирал силу, и розоватые тени ползли по мху, окрашивая мир в серо-сиренево-розовые цвета.

Я уже легко могла различать двигающихся по тропе людей, а не только спину Сойки впереди. С рассветом проснулся желудок и давно ныл, требуя завтрака или хотя бы корочку хлеба.

– Привал! – скомандовал Отшельник, и я даже ушам своим не поверила от счастья. – Полчаса на перекус и отдых. Дальше пойдем через лес до болот.

Упала на мох. Вытянула ноги, прислонилась к сосне и прикрыла глаза. Полчаса – это же так много. Можно успеть выспаться.

Вот интересно, мы пойдем до болот или еще дальше? Лучше до. Мысль о трясине меня не радовала. Совсем не радовала.

На ранний завтрак мы баловались северными пайками. В бумажном свертке присутствовали парочка галет, сушеное мясо, полплитки шоколада и кулек с орехами. Все просто, сытно и вполне съедобно. Весь привал я продремала и завтракала на ходу, справедливо решив использовать по максимуму время на отдых.

Трикси проснулся, потребовал свою порцию еды. С удовольствием прикончил шоколад и теперь шел впереди, жуя орехи. Обрато лезть на руки он категорически отказался и лишь фыркал в ответ на подобные предложения.

После привала мы свернули в лес и двигались к границе под тупым углом. Идти сразу стало тяжелее. Холмы попадались большие, с крутыми склонами, и все эти спуски-подъемы жутко выматывали. Южане дружно сопели, и даже северные под конец вытирали пот со лба.

Где-то в полдень Отшельник наконец соизволил скомандовать привал на обед. Последний час перед привалом я старалась не думать о плохом, но мысли упорно сворачивали на убийство одного северного блондина. Особой кровожадности я за собой раньше не замечала, но до сего времени меня и не гоняли по ночам, да еще без нормального отдыха.

Все-таки есть огромное преимущество в том, чтобы двигаться в одиночку. Никто над душой не стоит, никуда не гонит, не командует: есть, спать или бежать. Я никогда не была сильна в подчинении, частенько доставляя хлопоты родным, и теперь моя свободолюбивая натура жаждала устроить бунт. Просто так. От усталости, от страха перед неизвестностью, от напряжения последних непростых дней. И достаточно было одного слова, взгляда, чтобы я сорвалась, но Отшельник, точно чувствуя мое настроение, держался отстраненно, молча идя позади. Оглядываться было лень, так что я шла и старательно уговаривала себя, что лучше идти в группе, подчиняясь приказам, чем трястись в одиночку в лесу, где водятся твари из двадцатки.

На привал опустилась на мох там, где услышала приказ об остановке. Подумала и легла. Над головой шумели сосны, высоко бежали белые облака, торопясь в неведомые страны. И было так хорошо вытянуть ноги, расслабить спину и просто лежать.

Рядом шмыгнули носом, и теплое тело привалилось сбоку. Трикси. Губы тронула улыбка, я обняла паренька, подтянула поближе, и он пристроил голову мне на грудь. Он тоже устал, но сдаваться и ехать на дяде, как маленький, отказался. Упрямец!

Рукой провела по светлым волосам, вдыхая горьковатый запах дыма, которым пропитались его волосы. Малыш сначала напрягся, а затем расслабился. Он лежал тихо-тихо, как мышонок, и я тоже замерла, боясь ненароком его спугнуть.

Через какое-то время Трикси завозился и протянул мне солдатика. Игрушка была чудо

как хороша. Фарфоровое личико, разрисованное с художественной достоверностью, мягкое туловище, одетое в тщательно сшитый гвардейский мундир, деревянный щит и меч в искусно вырезанных из дерева руках. Я взяла солдатика, повертела, осматривая.

– Как его зовут?

– Тишас, – ответил мальчик.

– Очень красивый и храбрый, как ты, да?

– Да, – подтвердил Трикси и вдруг сник. – Только маму защитить не смог.

И словно туча набежала. Стало тревожно и грустно от чужой беды, к которой я успела прикоснуться.

Рядом со вздохом опустился кто-то еще. Повернула голову – Пьетро. Увидел гвардейца в моих руках, нахмурился:

– Трикси, ты слышал, стучал дятел?

– Где? – заинтересованно поднял голову малыш.

– Совсем рядом. Хочешь посмотреть?

– Да!

Трикси уже был на ногах.

– Дядя Сказочник, – к своей «лошадке» он явно испытывал дружеские чувства, – идемте смотреть дятла!

Я скосила глаза. Северянин без тени неудовольствия оторвался от костра, протянул мальчику руку и повел на поиски затаившейся при нашем появлении птицы.

– Отличная игрушка. – Я обвела пальцем королевский герб на щите.

– Вы ведь уже догадались, что Трикси не простой мальчик, – сказал Пьетро, и столько было усталости в его голосе, что во мне шевельнулась жалость. Тяжело, наверное, нести ответственность за чужого ребенка.

Не стоило начинать этот разговор и лезть в чужие секреты, но этот поход, лес, та драка, в которой я пролила за них кровь, и незнакомые люди странным образом перестали восприниматься таковыми.

– Королевский дом? – спросила наугад.

– Он очень похож на свою мать. – Пьетро тоже лег на мох. На бледном лице блестели капельки пота.

Похож на мать... И озарением мелькнула догадка. Об этой свадьбе писали все газеты и вестники девять лет назад. Я смутно помнила имена, даты, но то ощущение детского восторга при виде хрупкой, потрясающе красивой девушки в воздушном белом платье с длинным шлейфом, поддерживаемым десятком ангелочков из родовитых семей, вспомнилось отчетливо. Пусть черно-белый снимок плохо передавал картинку свадьбы, но моя фантазия вкупе с захлебывающейся от восторга статьей дорисовали все остальное: и красавицу-невесту из рода ледяных, присланную по заключенному договору, и пышность убранства, и многочисленных гостей, и статную фигуру великого князя, поддерживающего под руку невесту.

Значит, у них родился мальчик.

– Трикси – великий князь? – спросила я и лишь затем осознала свою ошибку. При живом отце Трикси считался лишь наследником.

Но Пьетро промолчал, и на душе стало совсем тоскливо.

– Он пытался им помешать, как и все мы. – Прошло несколько минут, пока Пьетро заговорил.

– А мать?

Сердце испуганной птицей забилося в груди. Великая княгиня не полукровка, она – чистокровная ледяная.

Ледяные неохотно отпускали своих женщин. Как правило, они находили пару среди своих. Лишь мужчинам дозволено было покидать горы или приводить невест со стороны. Но раз в поколение одна из ледяных выходила замуж за близкого родственника короля, чаще всего за великого князя. После раздела страны это правило осталось. Только теперь две ледяные постоянно жили при северном и южном дворах.

– Надеюсь, жива, – последовал краткий ответ.

Во рту пересохло, в душе поднималась паника. Они забрали мать, но мальчику удалось бежать или его отпустили? И Альвер, зеленщик, упоминал племянницу.

Что же вы задумали, ваше величество? И зачем вам ледяные ведьмы?

Пьетро помолчал, явно приглашая поделиться своими бедами в ответ, но я трусливо прикрыла глаза, делая вид, что устала. Знаю, невежливо и некрасиво, но рядом слишком много ледяных ушей, чтобы откровенничать. Да и нечего особо рассказывать. Я ведь удрала, толком и не поняв, зачем понадобилась Тайной канцелярии.

Мужчина понятливо хмыкнул и настаивать не стал. Поднялся и пошел помогать с обедом. Мне тоже стоило присоединиться и хотя бы хворосту набрать, но расслабившееся тело категорически отказывалось двигаться. Да и не княжеское это дело – готовить. Нашла себе оправдание и... с мученическим стоном поднялась. Прошлась по округе, за десять минут набрав штук восемь белых и красноголовиков.

В котелке как раз закипала вода, а карауливший ее Циркач готовился к заброске продуктов. Оглядела его приготовления и улыбнулась. Это называется: кидай все, что есть, авось будет вкусно.

Я посадила северянина чистить грибы, а сама забросила в воду крупу, сушеное мясо, добавила из своих припасов картошку, лук и морковку. Туда же отправились чищенные грибы.

Готовить на костре мне было не в новинку. Дед у нас был суров и скор на расправу. Если не понравился обед, который варили мы с братом, мог и на землю вылить и заставить готовить заново. А после целого дня на рыбалке есть хотелось так, что желудок сводило, вот и старались, чтобы съедобно вышло с первого раза.

В котелке весело булькала вода, аромат похлебки плыл по лесу. Сопrotивляться ему было невозможно, и на бревне, брошенном около костра, постепенно собрались все члены нашего отряда, кроме двух северян, отправленных в дозор.

В поисках дятла Трикси набрал грибов и теперь доставал их из каски Сказочника, пытаюсь определить съедобность. Около его ног росли две кучки. Одна побольше – на грибной шашлык, вторая поменьше – для потравы врага, не иначе. Я лично бледную поганку, нагло подкатившуюся к самому костру, с отвращением пнула подальше, а вот красным с белыми точками мухомором мы все дружно полюбовались и даже оставили его воткнутым в мох – для красоты.

После сытного обеда меня разморило. Мох казался таким мягким, что я готова была лежать на нем целую вечность и не двигаться. Разговоры стихли сами собой. Даже Трикси приумолк, лениво снимая жареный гриб с прутика и уже без всякого желания запихивая его себе в рот.

– Подъем! – Первым встал с бревна Отшельник.

Я мысленно застонала. Нет, только не это! А поспать после сытного обеда? Мы же

полночи шли.

Прикрыла глаза. Пока они собираются, тушат костер и маскируют стоянку, у меня есть минут десять.

– Приказ касался всех!

А как же! Бегу и спотыкаюсь. Он решил потратить десять минут на мое воспитание? Ничего, я и под нравоучения спать могу. Я скоро на ходу спать научусь, и тогда все будет отлично.

– Подъем!

Я почувствовала сильный рывок, и в следующее мгновение оказалась в воздухе, подурачки болтая ногами и, подозреваю, с самым идиотским выражением на лице.

– Мне казалось, вы не горите желанием встретаться с гвардейцами.

О! Мы уже перешли на «вы». Станный способ знакомства. Сначала тыкать, а затем вспоминать о вежливости.

– Так что не будем искушать Трехликого долгими стоянками и послеобеденным сном.

Под взглядом ледяного мне стало нехорошо и даже немного стыдно. Так и до раскаяния недалеко. Не дождется. Я княжна и... к тому же единственная женщина в отряде.

– Хорошо, – выдавила из себя.

И только тогда меня поставили на мох. Отшельник еще немного постоял, удерживая меня за плечи, затем развернулся и направился к вещам, распределять мешки. Я молча пошла следом. Вытащила свой, надела, с удовлетворением заметила, как нахмурился северянин, но возмущаться не стал. На мгновение даже пожалела об упущенной возможности поставить наглеца на место. Нет, это же надо – княжну за шкуру, как котенка! Отвратительный тип. И где его только воспитывали?

Мысль, что все ледяные из знатных семей, я упорно отгоняла прочь. Мне было проще считать Отшельника необразованным мужланом, чем равным себе. Проще и надежнее. Тогда не так бросалась в глаза грация его движений, благородные черты лица, правильный изгиб бровей и небесная лазурь глаз. Когда ледяной прибежал к магии, радужки его глаз темнели и сияли двумя синими звездами. Завораживающее зрелище.

Я тряхнула головой, возвращаясь в реальность. А реальность радовала. Стоял чудный погожий день, один из тех прощальных дней лета, когда солнце дарит свое тепло, лес полон зелени и присутствие осени ощущается лишь намеками. В воздухе остро пахло нагретой на солнце древесиной и листвой. И лишь немногие деревца могли похвастаться золотым нарядом.

Это просто кощунство воевать в такое чудесное время. И все же именно туда, в сторону линии фронта, мы сейчас и направлялись.

Шли, пока солнце не стало клониться к закату, в воздухе запахло сыростью и поднимающимся с болота туманом. Мы двигались по краешку болот, но вглубь, слава Трехликому, не уходили. Холмы сменила равнина, а вместе с ними пропали и сосны, и вокруг нас вставал лиственный лес. Под ногами чавкало, и приходилось прыгать с кочки на кочку, чтобы не ухнуть по колено в яму. Хорошо еще, что такие мокрые участки встречались не часто.

Отшельник посмотрел на небо, угрюмым взглядом обвел лес, недовольно скривился при виде нас – загнанные лошади, и только, – и свернул вправо. Болото осталось позади, и у меня шевельнулась слабая надежда, что мы ищем место для привала.

Огромная береза, выворотив корни, лежала посреди леса. Около ее подножия, под

защитой вала из корней и земли, мы и устроились на ночлег.

Сил готовить ни у кого не было. Сойка вскипятил котелок, добавил туда чая и трав, мы развернули сухпайки. Я вяло поковырялась в еде, сгрызла одну галету, заела шоколадом и улеглась спать под уютный треск костра.

Не знаю, что разбудило меня посреди ночи, но я вдруг резко вынырнула из сна и распахнула глаза, уставившись в темноту. А затем накатило ощущение чего-то знакомого, но давным-давно забытого. Чувство было настолько расплывчатым и неясным, что решительно нельзя было понять, что это такое.

Я замерла, прислушиваясь к звукам ночи и одновременно пытаюсь анализировать свое состояние, – бесполезно. Единственное, что можно было сказать определенно: чувство усиливалось и шло откуда-то справа.

Привстала, точнее, попыталась. На меня сверху навалилась тяжесть, в шею уперлось что-то холодное, рука грубо закрыла рот, а щеку опалил жаркий шепот:

– Только попробуй дернуться.

То есть мы опять на «ты», господин Отшельник. Занятно.

Не знаю, сколько мы так пролежали. Наверное, долго, у меня рука успела затечь, и дышать становилось все труднее. Странно, но желания дергаться и возмущаться не было. Почему-то я спокойно воспринимала всю ситуацию в целом: ночь, темнота, на мне лежит мужчина. Мягко выражаясь, приличия мало. А если учесть еще нож у горла и руку, затыкающую мне рот... Это уже выходило за рамки здравого смысла.

Странное чувство постепенно уходило, а вот тяжесть от навалившегося на меня тела становилась все более ощутимой и почему-то волнующей. Может, и права была мама, когда заводила разговор о помолвке. Может, и в самом деле пора?

Я тут же одернула себя. Вот дура! В таком положении думать о непотребном?

Щеки полыхнули румянцем стыда. И я порадовалась темноте, скрывающей покрасневшее лицо.

Внезапно я почувствовала, что свободна. Рука больше не закрывала рот, в шею не кололо, Отшельник сдвинулся в сторону, и дышать сразу стало легче.

– И что это было? – прошептала, садясь и рефлекторно потирая шею. Сначала наручники, теперь это. Я обрастаю новым опытом, правда, исключительно криминального характера.

И как будто мне кто-то ответил. В темноте смутно мелькнула чья-то тень, послышался тревожный шепот. Да что, к проклятому, происходит?

Я наклонилась к костру, дунула на угли. Вспыхнули алые огоньки, освещая меня и ночь.

– С ума сошла? – Отшельник дернул меня за рукав, отпихивая от костра. – Выдать нас хочешь?

– Хочу ответ. – Я ухватила его за руку, не давая вернуться в темноту.

– Хорошо, идем, – сдался он, помогая мне встать.

Шли недолго. Буквально метров двадцать. Но этого мне хватило, чтобы два раза споткнуться и один раз упасть, повиснув на северянине. Тот ругнулся, но подхватил меня, не давая окончательно растянуться на мху.

Впереди раздался резкий крик птицы, слева ему отозвалась еще одна. Это что за птичий базар посреди леса? Мы остановились, а Отшельник пронзительно закричал, вторя пернатым. Так вот кто в лесу развлекается!

Сбоку вынырнул темный силуэт и Сойкиным голосом поинтересовался:

– А она здесь зачем?

– Так надо, – кратко ответил Отшельник, и мое любопытство перешло в категорию зашкаливающего. – Докладывай.

– Трое. На лошадях. Проследовали по дороге в Тасновку. Следом через полчаса отряд гвардейцев. Пешком. Человек двадцать.

Гвардейцы? Ночью? Странно – не то слово.

– Лэриш, возвращаемся.

А вот и ответ. Очень многословно.

– Утром ранний подъем. Тебе лучше лечь спать.

– Лэриш, все утром, – вступил в разговор Сойка, так как я и не планировала двигаться с места.

Действительно, стою, а меня, как маленькую девочку, уговаривают. Придется возвращаться. Надеюсь, кое-кто сдержит слово и утром мне все расскажет.

Глава 6

Северные сказки, которые совсем не сказки

Утром я позорно проспала. Точнее, меня просто не разбудили. Проснулась, только когда завозился под боком Трикси, засопел и закинул на меня ноги. Открыла глаза – серое утро было теплым и хмурым. В воздухе отчетливо пахло осенней сыростью. Мох вокруг блестел от осевшей росы, а одежда и волосы были влажными на ощупь. Серое низкое небо обещало в ближайшее время «порадовать» нас дождем.

Я аккуратно выбралась из-под привалившегося ко мне Трикси. Похоже, мальчишка приполз ко мне под утро в поисках тепла, когда Пьетро и остальные мужчины встали.

Села, огляделась. Лагерь был уже почти свернут, но нас с Трикси будить не спешили. Взглянула на серьезные лица мужчин и с досады прикусила губу. Так и есть, проспала. Они уже все обсудили и даже приняли решение, а детей будить не стали, дабы не мешали разговорам взрослых. Хорошо же... Я припомню кое-кому ночное обещание и больше верить на слово не стану.

– Доброе утро. – Отшельник присел рядом на корточки, заглянул мне в глаза и внезапно улыбнулся.

Я напряглась. Улыбка ледяного, да еще с утра пораньше... явно не к добру. Впрочем, выглядел северянин довольно мирно. Светлые волосы от влажности завились и крупными волнами спадали на лоб и плечи. Глаза больше не пугали своим нечеловеческим блеском, а были вполне обычного светло-голубого цвета.

– Доброе, – ответила я, настороженно принимая упаковку сухпайка. Развернула. Ничего нового. Все те же галеты, мясо, орехи и шоколад. Скоро я возненавижу армейские обеды, пусть они и питательны, но жутко однообразны.

От изучающего взгляда Отшельника мне стало не по себе. И вкус галеты показался не таким, как вчера, и мясо было слишком соленным...

– Лэриш, ночью кое-что произошло.

Я оторвалась от изучения завтрака и выжидающе посмотрела на северянина. Давай, не тяни. Я и так заснула с трудом, строя разные версии случившегося.

– Мы вынуждены разделиться. Циркач, Сказочник и Зеленый поведут южан дальше, а нам придется задержаться, чтобы кое-что проверить. Не думаю, что это серьезно, и мы их скоро догоним.

– Мы? – переспросила я, не совсем понимая, к чему клонит Отшельник.

– Я, ты и Сойка, – подтвердил мою безумную догадку командир.

Естественно, в этот момент я пыталась прожевать галету и конечно же от неожиданности подавилась. Или я брежу, или северянин сошел с ума. Но с чего он решил тащить с собой на разведку девчонку, которую еще недавно считал шпионкой? Будь я на его месте, я бы точно не стала так рисковать.

Что же произошло ночью, и почему ледяной изменил свое мнение обо мне? Или это очередная военная хитрость?

– Держи. – Сойка протянул мне флягу, плюхаясь рядом на лежанку из ветвей.

Трикси громко зевнул, просыпаясь. Сойка дружески потрепал мальчика по взъерошенным волосам, сунул в руки завтрак и посоветовал есть быстрее, дабы обогнать

некоторых, которые еле-еле ковыряются в еде, да еще и давятся ею.

– И что мы будем проверять? – уточнила я, откашлявшись.

Ледяной справа, ледяной слева. Я начинаю чувствовать себя не слишком уютно. Гораздо спокойнее было, когда они считали меня шпионкой. Внезапное дружелюбие, внимательные взгляды... И почему у меня стойкое ощущение, что северяне знают гораздо больше, чем говорят?

– Обсудим по дороге. – Отшельник выразительно кивнул в сторону Трикси.

Оказалось, пока мы с малышом изволили почивать, взрослые успели поделить припасы и оружие и ждали только нас. Удивительное человеколюбие, особенно после трудного перехода.

Как только закончили завтрак, два отряда разошлись в разные стороны. Пьетро со своими людьми и трое северян отправились в сторону болот, а мы втроем – на юг. Метров через двести показалась дорога. На земле четко отпечатались человеческие следы и лошадиные копыта.

Пока выходили из леса, хранили молчание. Мне гордость не позволяла навязываться с расспросами, а ледяные почему-то выдерживали паузу. Но сейчас, при виде следов, мое терпение дало сбой.

– И что такого странного было в гвардейцах, что вы решили пойти следом?

И ведь не хотела, а вопрос все равно прозвучал ехидно.

– Лэриш... – Отшельник остановился, поизучал дорогу у себя под ногами. – Или все же скажешь свое северное имя? Поверь, «южная колючка» звучит не слишком приятно для девушки.

Это он лэриш назвал южной колючкой? И как только язык повернулся сказать такое про чудный цветок, распускающийся раз в год в степях на южных границах Шарналии. Да, у него есть колючки, но у розы, если на то пошло, тоже имеются острые шипы.

– Пусть будет колючка, – пожала плечами я, делая вид, что мне все равно.

Сойка хмыкнул. Ответ, как и вопрос, был с подоплекой, и его явно развеселила моя реакция.

– Так что там с гвардейцами? – напомнила я.

– Это были не гвардейцы. – Лицо Отшельника окаменело, взгляд стал тяжелым, а в воздухе ощутимо запахло неприятностями.

– А кто? – спросила я, отметив, как все внутри леденеет от пугающего предчувствия.

– Крестьяне, обычные крестьяне, – криво усмехнулся Сойка, – только не совсем живые. Точнее, мертвые, но как бы тебе объяснить...

– Сойка, хватит пугать девушку, – оборвал его Отшельник. – Лэриш, что ты знаешь о льолдах?

Льолды. Честно говоря, я надеялась, что мне не придется услышать это слово, тем более в такой ситуации. Это в детстве все воспринимается как страшная сказка, а становясь старше, понимаешь, что лучше бы оно сказкой и осталось.

– Дед, ну расскажи. – Я требовательно дергаю деда за рукав, залезаю к нему на колени и просительно заглядываю в глаза.

– Что же тебе рассказать, моя розочка? – Дед хитро улыбается, а у меня внутри все дрожит от нетерпения.

– Страшную-страшную сказку, – хлопаю я в ладоши и прикусываю губу. Северные сказки

мне нравятся больше южных. В южных все несерьезно, никто никого не убивает, все только женятся и живут долго и счастливо. А вот в северных...

– Ну если страшную... – Дед глубоко задумывается, а я замираю в предвкушении. – Тогда слушай. Давным-давно, когда Трехликий только собирался воплотиться в человека, его Мать оказалась у нас, в Ледяных горах. Проклятый и его слуги долго гнали бедную женщину по стране, замыслив уничтожить и не дать появиться Трехликому на свет.

Горы встретили Мать не слишком гостеприимно. В ответ на просьбу о помощи перед ней закрывались двери одна за другой. Лишь сорок семей согласились встать на защиту Матери и ее будущего ребенка. Они поднялись в пещеры и спрятались там, но проклятый придумал хитрый план. Страх северян и их боязнь помочь Матери открыли для него человеческие сердца. Через этот страх он забрал к себе души, навечно упрятав в свое бездонное темное нутро, а на место пожранных душ вселил часть себя. Так появились льолды.

– Как это? – спрашиваю шепотом. И почему-то становится зябко. Я прижимаюсь к широкой груди деда, и тот успокаивающе гладит меня по плечу.

– Это, внученька, очень опасные существа. Внутри у них лишь холод и тоска. Холодно им от того, что проклятый – не человек, и сущность его – холоднее льда. А тоскуют они о своей потерянной душе. Вот и получается, милая, что тянет их к людям, а как увидят человека, рождается внутри у них такая завистливая злоба, что не могут удержаться и убивают.

– Страшно, – вздыхаю я, – и жалко их.

– Жалко, – соглашается дед, – но такова участь тех, кто предательством захотел купить себе долгую и беззаботную жизнь. Ну, слушай дальше. И поднялось целое полчище льолдов. И начали они рыскать по пещерам, чтобы найти и убить Мать и тех смельчаков, которые встали на ее защиту. И погибнуть бы им, но Трехликий не оставил Мать без своей милости, одарив ее и женщин, стоящих рядом, умением нарушать законы смерти. И встали из могил умершие, призванные из-за грани, дабы спасти своего Создателя. И было великое сражение между льолдами – слугами проклятого и раольдами – защитниками Трехликого. Говорят, даже горы содрогнулись от той битвы, столько крови мертвой и проклятой было пролито на скалы. Раольды одержали верх, и проклятому пришлось отступить.

С тех пор прошло много времени. Сорок семей превратились в сорок почитаемых и богатых родов. Но ледяной дар все так же живет в них, и женщины в Ледяных горах, как когда-то сама Мать, умеют призывать мертвых из-за грани и отправлять за нее тех, кто по собственной глупости заблудился между мирами.

– И я так же смогу? – От восхищения перехватывает дыхание и сердце начинает биться быстро-быстро. Я уже вижу себя среди сотен страшных льолдов. Одна. В сверкающих доспехах. Вокруг вздымаются острые скалы, отсвечивают голубым ледники. Льолды страшно рычат и тянут ко мне когтистые руки. Но я лишь смеюсь в ответ. И...

– Нет, милая, нет, – дед прижимает меня к себе, и я слышу, как взволнованно бьется его сердце, – эта страшная сказка не для моей розочки. Ты же не оставишь своего деда? И маму с папой. Они будут очень за тебя переживать.

Сверкающие доспехи меркнут. Тают ледники, и вокруг встают стены гостиной. Остро ипряно пахнет дедушкиным табаком, из кухни доносится аромат свежее испеченных булочек. И сказка теряет свое страшное очарование.

– Не брошу, – я обнимаю деда за шею, прижимаюсь к нему, – никогда не брошу.

– Лэриш! Лэри-иш! – Раздраженный голос ворвался в мои воспоминания, возвращая в реальность.

– Мы вроде дали тебе выспаться, а ты спишь на ходу, – ухмыльнулся Сойка.

Перевела взгляд с одного на другого. Злой ледяной и насмешливый ледяной. Отличная парочка. И что, спрашивается, я делаю вместе с ними? Ах да. Льолды.

Потерла лоб, собираясь с мыслями.

– Я знаю, кто это, – не стала отпираться, – слышала в детстве сказочку.

– Сказочку? – Глаза Отшельника потемнели от гнева.

Мне захотелось отступить, а еще лучше прыгнуть в канаву – и лесом, лесом, подальше от злобствующих ледяных.

– Лэриш, не знаю, кто тебя воспитывал и обучал, но у нас эти сказочки изучают на практике. Что ты знаешь о северной границе Шарналии? Нашей Шарналии.

– Вашей? – Я задумалась. – За Ледяными горами лежат Пустынные земли. Там вроде никто не живет.

– Проклятые земли, Лэриш. Пустынными их прозвали трусы из правительства, чтобы не пугать людей. Примерно две тысячи лет назад в тех местах родился проклятый. Там его и убили. Только он не хотел умирать, и людям пришлось очень постараться, чтобы отправить его за грань. С тех пор за горами никто не живет, почти никто. Но время от времени оттуда лезет такая нечисть, что, поверь, льолды не самое страшное из того, что встречается в наших местах.

Интересное дополнение к дедушкиной сказке. Получается, ледяные кто-то вроде стражей. И охраняют северную границу от гадости, что лезет из Пустынных земель.

Насколько извращена наша история. Нам в школе рассказывали совсем другую версию. И проклятого в ней сожгли, а пепел развеяли над морем. И не было в той истории никаких вымерших земель и нечисти, до сих пор рождающейся за горами. Но спорить и выяснять, чья версия истории соответствует истине, – самое дурацкое занятие, которое можно придумать, стоя на дороге в лесу.

– Все ясно. Есть Проклятые земли, от которых вы охраняете Северную Шарналию, так?

Мужчины кивнули, не сводя с меня подозрительных взглядов, а я продолжала рассуждать вслух:

– Отлично, то есть я хочу сказать, похвально...

Взгляды северян заледенели.

– ...Не важно. Это ваше дело. Безусловно, очень полезное. И сейчас вы хотите догнать и уничтожить льолдов. Но я-то тут при чем?

– Лэриш, – протянул Отшельник, и от его ласкового тона и замораживающего взгляда мне стало откровенно нехорошо, – у тебя могут быть причины скрывать свой дар, но ситуация изменилась. Нам без тебя не справиться.

– Д-д-дар? – Воздух вокруг резко закончился. Стало душно, и я рванула завязки плаща. – Какой дар? Нет у меня никакого дара. Понимаете? Нет и не было. Меня с тринадцати лет проверяли. Я вообще ледяная лишь на четверть.

Говорила, сама мало понимая, что несу. Взгляды мужчин, скрестившиеся на мне, не сулили ничего хорошего, и в них явственно читалось обещание больших неприятностей.

– Лэри-и-иш...

Отшельник шагнул ко мне, и я в панике отступила.

– Отпираться бесполезно. Твои глаза ночью. Ты почувствовала льолдов и не смогла этого скрыть. Я видел искры дара.

Искры? Да какие, к проклятому, искры, и льолды, кстати, туда же. Все это сказки. Старые сказки, в которые глупо верить. Я могу допустить, что на севере больше нечисти, чем на юге. Может, за горами аномалия какая-то природная. Но проклятый – миф. Обычное олицетворение зла, персонифицированное для удобства в личность.

Объяснила, а главное, сама поверила в собственное объяснение. И голос уже не дрожал, и даже истерические нотки ни разу не проскользнули, когда я ответила:

– Тебе показалось, северянин. Просто показалось. И повторяю для глухих: нет у меня дара. И быть не может. Через пару месяцев совершеннолетие. Поздно уже чему-либо просыпаться. Так что давайте разойдемся по-хорошему. Вы за льолдами, я дальше, своей дорогой.

– Здесь нет глухих и слепых, южанка.

Если бы взглядом можно было замораживать, вместо меня на дороге давно бы уже красовалась ледяная статуя. Но нет, я все еще дышала и даже отступала потихоньку в лес, и спасительная канава была все ближе.

– Брат, ты уверен?

Я и не заметила, как Сойка сместился чуть в сторону. Умный, сволочь. И канава перестала быть путем отхода. Я просто не успевала до нее добраться.

– Да, – рыкнул в ответ Отшельник.

Убедительно рыкнул. Так убедительно, что у меня вновь зашевелились сомнения. Во рту пересохло, воздух стал плотным, и каждый вздох давался через силу. А затем накатила тоска и четкое понимание, что уйти мне не дадут. Потащат к льолдам. Свяжут, оглушат и потащат, невзирая на мои доводы.

Проклятый вас возьми. Всех. И северян, и льолдов, и персонально Эдгарда Третьего за развязанную войну.

– Я не ледяная, – голос дрогнул, а в следующее мгновение сорвался на крик, – слышишь, ты, замороженный! Я не из ваших и никогда ею не буду. И плевать я хотела на ваших льолдов. Мне все равно, что ты навоображал себе ночью. Я никуда с вами не пойду и ни с кем сражаться не буду.

В глазах потемнело, тело била крупная дрожь. Напряжение, копившееся все эти дни, наконец нашло выход в истерике. И стало безразлично, где я и с кем. Страх заглушил все: стыд, гордость и собственное достоинство. Вместо княжны и смелой беглянки, обманувшей Тайную канцелярию, перед ледяными стояла обычная испуганная девчонка.

Откуда-то из глубины сознания пришла уверенность, что Отшельник не врет. Что дар действительно проснулся, не оставив мне выхода.

Я так боялась этого последние четыре года, я ненавидела свои дни рождения, потому что на следующий день всегда появлялись они – цинично-вежливые проверяльщики. Я только в этом году простила Трехликого за то, что родилась девочкой, когда стало окончательно ясно, что проверка последняя и дара во мне нет. И что теперь?

«Ведьма!» – билась мысль.

– Не хочу, – помотала головой я, отступила и свалилась бы в канаву, если бы Отшельник не схватил меня за талию, преодолев за считанные секунды разделяющее нас расстояние. – Не хочу быть ведьмой, – прошептала, уткнувшись носом в широкую грудь.

– Глупая, – неожиданно нежно произнес ледяной, успокаивающе поглаживая по

спине, – ты не понимаешь, что говоришь. Никакая ты не ведьма, а всего лишь маленькая ледяная, у которой только что проснулся дар. И совсем не нужно этого бояться.

Всхлип вышел громким, но сдерживать слезы уже не было сил, и я банально разревелась. От жалости к себе, от обиды на судьбу, Трехликого, на дар и ледяных, так некстати затесавшихся в родню. И почему только я не родилась мальчиком!!!

– Лэриш, – простонал Сойка у меня за спиной, – только не это. Ну хочешь, я встану перед тобой на колени, а? Нет, мы встанем перед тобой на колени и дружно попросим прощения. Или, хочешь, я подарю тебе бусы из горного хрусталя? Они отливают голубым в лунном свете.

– Не хочу бусы, – прогнусавила я, продолжая орошать плащ Отшельника слезами, – лучше меч верни.

– Меч, да пожалуйста. Вот, уже достаю. Кстати, он у тебя родовой? Тогда должен светиться в темноте на нечисть.

Я зарыдала еще громче.

– Да что опять не так?! – возмутился Сойка. – Не хочешь бусы, могу кинжал подарить. С дракончиком на рукоятке.

– Льолды, – прошептала я. Говорить, уткнувшись в грудь Отшельника, было не совсем удобно, но в теплых объятиях северянина чувство страха не было таким всепоглощающим, и я крепко вцепилась в плащ, не собираясь отпускать его в ближайшее время.

– Лэриш, успокойся. Никто не заставит необученную ледяную драться с льолдами. Мы только разведаем обстановку, и все. Прогуляемся по чудной лесной дороге, дойдем до деревни, молочка там попьем и назад. А затем, обещаю, мы доставим тебя в целостности и сохранности до своих. И поможем с транспортом до Ледяных гор. Может, и сами проводим.

Я затихла, обдумывая слова Отшельника. Ну точно маленькую девочку уговаривает.

– Лэри-и-иш, – провокационно протянул мое имя Сойка, – я уже на коленях.

– Меня зовут Айрин, – шмыгнула носом я и, повернувшись, не сдержала улыбку. Сойка стоял на одной руке, дрыгая ногами в воздухе, при этом ухитряясь второй рукой размахивать зажатым в ней кустиком черники. Клоун, да и только.

– Ты обманул меня. – Я склонила голову набок и стерла улыбку с лица.

Сойка сделал сальто и встал на ноги. Я ошиблась, он – акробат, а не клоун.

– Я – нет, – произнес Отшельник. Его руки соскользнули вниз, и ледяной опустился на колени. – Простишь?

– За что? – дернула плечом я, и едва высохшие слезы набежали вновь. – Вы не виноваты, что у меня проснулся дар.

– И все же прости, – с нажимом проговорил Отшельник.

– Прощаю, – кивнула я. Без его объятий резко стало холодно и неудобно, и мне пришлось призвать всю свою гордость, чтобы придать лицу безразличное выражение и не позволить страху взять верх. Я сдвинулась в сторону, чтобы между нами опять были соответствующие приличиям три шага.

– Айрин, – он легко поднялся, улыбнулся, – ледяная роза. Подходящее имя.

Весьма подходящее для зареванной девицы, которая уже неделю в пути и качественно мылась четыре дня назад.

Сойка усиленно рылся в карманах, и скоро на свет был извлечен белоснежный платок с тончайшим кружевом по краям.

– Так и знал, что пригодится. – Он протянул мне изящную вещицу, достойную

княжеского носа.

Я с благодарностью приняла. Собственный платок был, увы, далек от чистоты, а тут такая роскошь.

– Айрин, можно задать вопрос?

Настораживающее начало, но от Сойки я не ждала неприятностей, а потому кивнула:

– Спрашивай.

– Ты что-то регулярно принимала с наступлением лунных циклов?

До меня даже не сразу дошел смысл вопроса, а когда дошел... Слезы мгновенно высохли, и страх был благополучно забыт. Лунные циклы... Даже крестьянка не станет обсуждать подобное с незнакомым мужчиной, что уж говорить о княжне, которой правила приличия вдалбливали в голову с младенчества.

– Ты забываешься, северянин. – Я скомкала платок и с трудом удержалась, чтобы не швырнуть подарок в лицо дарителю.

– Не злись, – примирительно улыбнулся он, – я целитель. Мне можно спрашивать о подобном.

Подобное обсуждают с домашним целителем, а не... Впрочем, отвечать я не обязана.

– Айрин, – и снова улыбка, как будто этого достаточно, чтобы добиться ответа, – хорошо, спрошу по-другому. Ты принимала что-то регулярно последние три-четыре года? Какие-нибудь лекарства, отвары, настойки?

Оценила непривычно серьезный взгляд северянина. Похоже, ему это действительно важно.

– Только укрепляющую настойку. Я часто болела в детстве, и настойку давали каждую неделю мне и брату. Честно, не помню, когда начала ее принимать. Может, пять лет назад, а может, шесть.

– Понятно.

Ледяные обменялись быстрыми взглядами.

Что понятно? И кому?

– Айрин, назовешь родовое имя? – Отшельник оказался близко, слишком близко, чтобы это можно было игнорировать. От острого желания прижаться к нему, вновь ощутить теплые руки на спине в голове помутилось. И как будто этого мало, мужчина наклонился, и горячее дыхание обожгло щеку. – Айрин, ты все еще нам не доверишь?

– Нет, – отшатнулась я, – то есть да, доверяю, – насколько вообще можно доверять в подобных обстоятельствах. – Посуди сам, кому я должна представиться? Отшельнику? А может, Сойке?

Я права. Он это знает, но все равно тень недовольства мелькнула на его лице.

– Хорошо, отложим представление до возвращения домой.

Я не верила своим ушам – он согласился со мной?

– Нам пора. До деревни часа четыре пешком, нужно попасть туда к полудню.

– А...

– Остальное обсудим по дороге.

Стальной взгляд, жесткий голос. Отшельник опять надел на себя ледяную броню. Или его нежность мне лишь почудилась сквозь потоки слез.

– Твой меч, Айрин. – Сойка протянул оружие. – Отличный клинок, кстати. Старинная работа.

Я знала это и без него. Приняла меч, тяжесть привычно оттянула пояс. Ладонь удобно

легла на навершие рукояти. Ну, здравствуй, знакомый незнакомец. Случившееся заставило меня взглянуть по-новому даже на собственное оружие.

Это было накануне моего десятого дня рождения. Особняк был переполнен шумом, суетой и подготовкой к празднику. Съезжались гости, росла гора подарков в гостиной. Я весело носилась по парку с кузинами и кузенами, друзьями по школе и детьми соседей. Это были дни абсолютного счастья. Мне позволялось и прощалось практически все, ведь я готовилась отпраздновать свой первый в жизни юбилей.

Неудивительно, что визит двоюродной бабушки, родной сестры деда, я восприняла с прохладным равнодушием. Впечатлений было так много, что первый и единственный приезд северной родственницы прошел мимо моего переполненного восторгом сознания. Ведь утром должен был приехать бродячий зверинец, днем состояться театральное представление и выступление мага-иллюзиониста, а вечером, как обещал таинственным шепотом отец, меня ждал настоящий сюрприз.

Я смутно помнила высокую, стройную даму с белыми седыми волосами, уложенными в сложную прическу, и яркими голубыми глазами. Она выглядела моложе деда, хоть и была его старшей сестрой. Будь я взрослее, я бы заметила недовольно поджатые губы, неодобрительное покачивание головой, когда нас представляли, но мое сердечко слишком сильно билось от счастья, чтобы обращать внимание на досадные мелочи. За дверью гостиной слышалось возбужденное перешептывание моих друзей, меня ждали, чтобы отправиться к пруду, и я тяготилась визитом.

Будь я старше, я бы уловила напряжение, нитями протянувшееся между взрослыми, серьезное лицо отца, обеспокоенный вид мамы, но мне было не до того. Меня ждал лучший день рождения в моей жизни. Я уже успела переболеть северными сказками, чтобы по-настоящему заинтересоваться редкой гостьей.

Она уехала на следующий день утром, толком ни с кем не попрощавшись, а вечером мне вручили ее подарок – легкий меч, сделанный под женскую руку.

С этого меча и началась моя учеба. Дед взялся за нашу с Толиром подготовку, и меня гоняли наравне с братом. Потом пригласили лучших мастеров меча и боя. Я частично перешла на домашнее обучение, появляясь в гимназии лишь на паре-тройке самых важных уроков в неделю.

Дорого я бы сейчас дала, чтобы вернуться в свой десятый день рождения, задержаться в гостиной и задать парочку вопросов.

– Пистолет и кинжал, – потребовала я, закрепив на поясе меч.

– Ты уверена, что умеешь с ним обращаться? – уточнил Сойка, не торопясь возвращать мне мою собственность.

Я презрительно хмыкнула. Вечно эти мужчины начинают бояться, обнаружив в женских руках что-то серьезнее сковородки.

– Проверим? Та шишка подойдет? – кивнула на разлапистую ель, стоящую у дороги.

– Сойка, – предостерегающе произнес Отшельник, но было уже поздно. В голубых глазах ледяного вспыхнул азарт.

– А давай! – Он сунул руку в мешок, достал револьвер, протянул мне. Я выщелкнула барабан, проверяя патроны. Тускло блеснули четыре капсюля. Защелкнула барабан, взвела курок.

– Третья слева на пятой сверху ветке устроит?

– Вполне!

Отшельник тяжело вздохнул, не одобряя детской забавы.

Грянул выстрел, отдача подбросила револьвер вверх, остро запахло порохом, эхо прошло по дороге, поднимая с веток испугавшихся птиц.

Взглянула на елку. Вместо шишки красовалось пустое место.

– Отличный выстрел для... – Сойка запнулся, посмотрел на меня оценивающе. – Для юной леди, – сделал он наконец выбор.

– Развлеклись? – поинтересовался Отшельник. – Тогда вперед. Айрин, тебе помочь?

– Справлюсь, – отказалась я от помощи, пристраивая револьвер за поясом. Не знаю, как насчет дара, а оружие я предпочитаю иметь под рукой.

Странные эти северные. Беспокоятся о лишнем грузе за моей спиной и при этом тащат в гости к монстрам.

Шли молча и быстро. Сверху густели тучи, а затем стал накрапывать дождь. Вскоре он усилился, и я накинула капюшон. Капли барабанили по ткани, настраивая на размышления, а подумать было о чем.

Моя жизнь словно разделилась на две части. В первой я была обычным человеком, во второй оказалась... ледяной ведьмой. Собственная честность показалась дико смешной. Захотелось рассмеяться – громко, в полный голос, но я сдержалась. До острой боли в прикушенной губе, до сжатых в кулаки рук. Была бы мужиком – напилась бы. Но княжна не может позволить себе роскошь валяться в отрубе после бутылки виски.

И нестерпимо, до дрожи в пальцах потянуло оказаться дома. Вернуть то чувство защищенности, которое дарили родные стены. Но... вокруг холодной стеной вставал осенний лес, впереди ждали неведомые льолды. И я не знала, что меня пугало больше – встреча с ними или собственная реакция на нечисть.

Ледяной дар... Так некстати. Я чувствовала себя человеком, который балансирует на тоненькой жердочке, и следующий шаг может оказаться последним. В одно мгновение окружающий мир перестал быть привычным и знакомым. Теперь в нем оживали старые сказки, и никто меня не учил, как нужно с ними обращаться и чего ждать от собственного тела.

Глава 7

Лиса видела сон, где ты и кто-то с косой^[1]

Морось все усиливалась, и силуэты дальних деревьев уже с трудом угадывались за стеной дождя. С капюшона капало, висящие перед носом капли жутко раздражали своей неторопливостью. Дорога перестала впитывать воду, и под ногами противно хлюпало. Мешок за спиной с каждым шагом становился все тяжелее, хотя я и понимала, что это ощущение субъективно и его вес не мог измениться. Настроение было под стать погоде – хмурое и неразговорчивое. Хотелось обидеться на весь мир, на ледяных, на Создателя. Крепко так обидеться и закрыться в раковине души.

Но у северян было свое мнение на этот счет. Они выдержали получасовую паузу, дали мне пострадать и прийти в себя, а затем приступили к допросу. Вопросы посыпались один за другим. Справа и слева. Не давая возможности взять паузу и подумать.

– Айрин, ты сказала, у тебя есть брат.

– Да.

– Ледяным был твой дед или прадед?

– Дед.

– Твой отец единственный его ребенок?

– Да.

Мои односложные ответы их совсем не смущали.

– Где он сейчас?

Я остановилась, взглянула на Сойку.

– А как ты думаешь? Убивает ваших где-то там. – Я махнула рукой в сторону фронта.

– Брат? – Сойка и не подумал обидеться.

– Там же. Удовлетворен?

– Вполне, – кивнул северянин, стряхнув с капюшона целый ворох сверкающих капель.

Следующий вопрос я пресекла, перехватив инициативу и попросив:

– Расскажите о даре.

Северяне переглянулись.

– Разве тебе не рассказывали? – осторожно уточнил Отшельник.

– Как выяснилось, наши версии отличаются, – горько усмехнулась я.

Мы продолжили путь, деревня приближалась, и в моем мысленном списке вопрос о льолдах передвинулся на первые позиции.

– Дар наследуют лишь женщины, – начал рассказывать Отшельник, – даже если брак смешанный, наша кровь возьмет свое вплоть до четвертого поколения. Поэтому мы никогда не теряем связи с теми, кто покинул горы и уехал в другую страну. И если в браке рождается девочка, примерно в десять лет ее забирают в Ледяные горы.

Теперь понятно, зачем приезжала бабушка на мой день рождения, но абсолютно не ясно, почему я все же осталась в Южной Шарналии.

– Из-за дара?

– Да. Люди боятся смерти, они считают дар ледяных темным, хотя все что мы делаем – удерживаем смерть в ее естественных рамках.

– Как?

Отшельник замолчал. Дождь все так же монотонно барабанил по капюшону, однако стена воды стремительно редела, а вдалеке на небе показались просветы. Ветер усилился, и деревья недовольно скрипели, качая ветвями и обдавая нас водопадом капель. Желтые и красные листья ложились на дорогу. Холодало, но мне почему-то становилось жарко. Занятно ощущать себя частью сказки.

– Я хотела спросить, каким образом вы управляете мертвыми.

– Айрин, ты чем слушала? – рассердился вдруг Сойка. – Дар передается лишь женщинам. А мы, по-твоему, кто?

– Вы что, не знаете? – не поверила я.

– Прости, но он прав, – вздохнул Отшельник, – дар – дело женщин, и только их. И тебе нужно попасть в горы, чтобы научиться им пользоваться. Мы, увы, помочь не сможем. Мужчины наших родов уничтожают нечисть привычным для тебя способом – сталью.

Новость из разряда «Могло быть и хуже». Видимо, мое молчание было более чем красноречивым, и Отшельник поспешил успокоить:

– Айрин, не переживай. Обещаю, тебе не придется с ними драться. Это действительно разведка, и ничего больше. Я бы с удовольствием оставил тебя подождать нас здесь, в лесу, но предпочту, чтобы ты была рядом.

Это он намекает, что моя активная натура, оставленная без присмотра, либо их не дождетя, либо нарвется на неприятности. Можно, конечно, привязать к дереву, но, надеюсь, не мне одной это кажется не слишком хорошей идеей.

– Могу посоветовать, что делать, если встретишь льолда, – с многозначительным видом произнес Сойка.

Конечно же я купилась:

– И что?

– Бежать, Айрин, просто бежать. Умертвия не слишком быстрые создания, бегство – отличный способ избежать близкого знакомства с ними.

И трусливый. Если на то пошло, не думаю, что льолд умеет махать мечом круче того гвардейца, которого я отправила за грань. Так что последнее, что я собираюсь делать, встретив льолда, это продемонстрировать ему скорость мелькания своих пяток. Другое дело, если льолдов окажется несколько. Тут ситуация неоднозначная, так как без боевого опыта сложно оценить, сколько противников я смогу одолеть.

Все эти мысли я благоразумно оставила при себе, в ответ лишь хмыкнула и все равно заработала нотацию Отшельника:

– Айрин, отнесись к этому серьезнее. Мне хочется думать, у тебя хватит благоразумия держаться от нечисти подальше.

Расшифровываю: пока взрослые дяди машут мечами и рискуют жизнью, маленькие девочки прячутся за их спинами, в крайнем случае отмахиваются куклами. Думается, северяне всерьез решили стать моими няньками и доставить к себе домой в целостности и сохранности. Их не смущало то, что я продемонстрировала отличную стрельбу и лично завалила гвардейца. Им больше нравится считать меня беспомощной девицей, которую нужно всячески опекать и оберегать.

Подавила порыв тут же доказать, что они категорически не правы. Поразмыслив и оценив: лес, дорога в лужах, мокрый плащ и ветер, холодными колючками пробирающийся под одежду, – решила отложить показательное выступление до более удобного случая.

– А сколько сейчас ледяных в горах?

У такой опеки могло быть только одно объяснение – ледяных осталось немного и каждая одаренная на счету.

– В истории гор были разные времена, Айрин. Первоначально родов было сорок. Сейчас осталось двадцать семь. Не знаю, рассказывали ли тебе о нас.

– Расскажи, – попросила я.

– Хорошо, – легко согласился Отшельник. – Мы живем просто. Есть суверенный договор с королем, и его власть над нами довольно прозрачна. Мы выгодны ему, он – нам. Причем мы ему нужны гораздо больше. Ради безопасности Шарналии ледяные рискуют каждый день, а король – раз в десять лет, когда прорыв оказывается силен и нам не справиться своими силами. Тогда он посылает на помощь боевых магов и солдат.

– Ты забыл о жалованье, – подсказал Сойка.

– А что жалованье? – пожал плечами Отшельник. – По меркам Шарналии оно более чем приличное, но и торговцы, которые возят нам товары, прекрасно об этом знают. Рагорн не дурак. Часть нашего жалованья возвращается ему обратно в виде налогов.

Что еще... Делами рода управляет его глава. Он отвечает за денежное обеспечение, безопасность, решает хозяйственные и военные вопросы, связывается с властями. Вместе с ним правит Старшая Мать. В ее подчинении женщины, а также все, что связано с даром. Она же отвечает за боевые операции. Если в горах появляется подозрительная активность, принимает решение о зачистках.

Я не смогла скрыть удивления:

– Старшая Мать?

– Айрин, наших женщин с детства учат сражаться. Мы воюем вместе с ними, и в каждой группе больше мужчин, чем женщин, но сталь, пусть даже с примесью серебра, не умеет развоплощать. Она хороша против того, что когда-то было живым, а затем решило пожить еще немного, но уже мертвым. Но если тварь пришла из-за грани, у нее нет плоти. Тут хоть умахайся мечом, ты ничего ей не сделаешь, а вот она очень даже может свести тебя с ума или высосать досуха.

От возникшей в воображении картинке меня передернуло. О подобных сущностях тайком шептались девчонки в гимназии, ими пугали взрослые... А если кому-то действительно не везло с ними столкнуться, то первым делом приглашали настоятеля храма. Если дело оказывалось серьезнее, слали гонца в братство Динатроса.

Ледяные, похоже, обходились своими силами.

И еще у меня появилось стойкое подозрение, что бесплотные посещают горы во много раз чаще, чем наши земли. Иначе зачем вся эта суэта вокруг дара ледяных? Чем ближе к горам, тем больше менялось отношение населения к ледяным – от настороженности и страха до почтительности и поддержки государства, причем строго с юга на север. По крайней мере, к Сойке и к Отшельнику северяне относились с уважением, и я не заметила никакого напряжения между членами группы. Кстати...

– А почему вы здесь? Разве ледяные обязаны воевать?

– Еще как, – Сойка отломал ветку от куста, растущего у дороги, и в данный момент методично укорачивал ее длину, – по одному ледяному от рода. Таков договор.

– Правда, некоторые решили дополнить его собой, – с ехидной насмешкой заметил Отшельник.

– Еще скажешь, что ты этим недоволен?

Последний обломок ветки был отправлен в канаву.

– Напомнить, сколько раз я прикрывал твою за... мм... спину? И насколько полезен оказался целитель на войне?

Отшельник тяжело вздохнул. Этот спор явно возникал у них не в первый раз. Так, значит, младшенький по своей инициативе отправился повоевать. И эти люди еще намекают на мою недисциплинированность?

– Айрин, раз уж мы заговорили о войне, – Сойка переключился на меня, – что случилось с твоей родней? Почему ты оказалась в лесу совсем одна?

Ну вот, опять те же намеки на «беззащитную» женщину. Интересно посмотреть, как они относятся к своим воительницам. Или они их за женщин не считают?

– Так получилось. – У меня не было ни малейшего желания вдаваться в подробности. – Пришлось уходить быстро, а сопровождающие... Объявленной в розыск ведьме трудно решить, кому можно доверять, а кому нет.

Оба ледяных помрачнели и замолчали. Я их понимаю. Тяжело принять подобное отношение. В одной стране ты – герой, в другой – пособник ведьмы. Только сейчас пришло осознание, что еще лет пять назад ситуация не была такой удручающей. Кто-то очень хотел поссорить наши страны, и ледяные стали еще одной точкой разрыва между нами.

Между тем дождь решил, что с него хватит, и перестал сыпаться сверху. Ветер разошелся не на шутку, и серые облака под его порывами активно расползались в разные стороны, обнажая над собой голубое небо. Дорога стала шире и утоптаннее, на ней появились следы копыт домашних животных.

Деревня вынырнула незаметно, будто специально пряталась за деревьями. Через узкий ручей, обвивавшийся вокруг изб, был перекинут деревянный мост. Справа виднелись вырубки и небольшие делянки. Слева лес вплотную подходил к домам.

Я вспомнила карту. До этих мест на ней была отмечена лишь парочка хуторов, зато отсюда начиналась цепочка из пяти-шести деревень, тянущаяся до городка под милым названием Жилнень. В этих местах располагались озерные массивы, берущие свои истоки из болот, и местные жители промышляли рыбалкой, охотой, по осени собирали ягоды, грибы. Таких глухих, живущих дарами леса мест насчитывалось сотни в нашей стране. И эта деревушка не была исключением. Вот именно, не была.

Мы остановились на мосту. Все так же яростно шумел лес, и ветер гнул верхушки деревьев, сдирая с них лиственный покров. А здесь было тихо. Неприятная тишина словно намекала, что впереди ждать хорошего не приходится.

– Идем, – первым шагнул с моста Отшельник.

Я заметила, как засветились его глаза. Северянин прибег к помощи магии. Наверное, это правильно, только отчего мне так тревожно?

Потянула меч из ножен. Лезвие успокоительно блеснуло металлом. Никаких предупреждающих сияний, нечисти в деревни нет. Только бьющая по нервам тишина, которой не должно быть здесь, просто не должно.

Единственная улица оказалась на удивление просторной, точно стремилась собственной широтой искупить малые размеры деревни. Она втягивалась между домами, заворачивала за угол и убегала дальше в лес, ныряя под зеленые своды деревьев. Обычная деревня. Обычные дома. Где-то совсем уже почерневшие от старости, с покосившимися стенами и прохудившимися крышами, где-то вполне добротные, с крепкими палисадниками и виднеющимися во дворах хозяйственными постройками.

На ветвях деревьев, торчащих над низкими заборами, красовались яблоки, темнели

синими боками сливы. В палисадниках под окнами радовали глаз осенние цветы. Мирная картина деревенской осени, но мне отчаянно не хотелось идти вперед, и я замедляла шаг, напряженно вслушиваясь в тишину и вглядываясь в дома. Я все еще надеялась, что это морок, что вздрогнет воздух, скидывая ненужный покров, и зальется лаем пес за забором, выплывет из окна любопытная старушка, раздастся плач младенца, и жизнь вернется в эти места.

– Айрин, в чем дело? – Сойка остановился, окинул меня внимательным взглядом. Слава Трехликому, в нем не было насмешки. Меня не считали трусихой, просто интересовались причиной задержки.

– Не знаю, – покачала головой я, – будто не пускает что-то.

– Не пускает? – нахмурился Отшельник. – Тогда попробуем по-другому.

Он скинул на обочину дороги мешок, вытащил из ножен меч. Лезвие начертало в воздухе какую-то сложную фигуру, и... ничего не произошло.

– Странно, – нахмурился ледяной и уже собирался идти дальше, как вдруг что-то толкнуло меня в спину. Я сама не поняла, зачем догнала Отшельника и почему вдруг оказалась впереди. Сзади запоздало вскрикнули и, кажется, даже попытались перехватить...

Вспышка света ударила по глазам, в лицо дохнуло нестерпимым жаром. Запахло горячим песком и какими-то пряностями. Смутное видение возникло перед глазами, затем картинка стала четче.

Около костра сидели двое: седоволосый старик с длинной бородой и еще безусый юноша, чью голову прикрывала странного вида шапка. В чану, стоящем на огне, аппетитно скворчало и шипело, вокруг замерли в полуденном зное пальмы, невдалеке в тени самой большой пальмы возлежали верблюды.

– О мудрейший из мудрейших, скажи мне, когда я могу использовать это уникальное по своей силе заклинание?

Голос у юноши был хриплым, ломающимся.

– Тогда, последний из моих учеников, – неторопливо ответил старик, оглаживая бороду, – когда идущие по твоим следам достойны смерти.

В то же мгновение видение померкло, и я провалилась в темноту.

Где-то капала вода. Она звонко ударялась о твердое, раз в три секунды врываясь в сон отчетливым «дзинь». Сон пытался утянуть меня к себе, но мерный «дзинь» сбивал все его планы. Я полежала еще немного, прислушиваясь к звукам. Вот скрипнуло дерево, словно кто-то встал на рассохшуюся половицу, бухнул ветер в окно, заставляя задрезжать стекло. Я открыла глаза и огляделась.

Большая комната служила хозяевам одновременно спальней, кухней и столовой. Всю стену занимала огромная печь, около окна стоял длинный стол с двумя лавками, в углу висела потемневшая от времени икона с зажженной лампадой.

Я села на кровати и тут же охнула от накатившей боли. В глазах померкло, а в голове точно маленькое солнце взорвалось.

– Тише, куда собралась... – Сойка, сидевший у стола, метнулся ко мне. Надавил на плечи, заставляя лечь. – Дай проверить, как ты.

– И как я? – спросила я, когда прохладные ладони легли на лоб и боль начала потихоньку отступать.

– Для человека, взломавшего некромантскую ловушку, довольно неплохо, – усмехнулся Сойка, но тут же нахмурился и приказал: – Не мешай!

Я послушно затихла. Надо же, ловушка некроманта. Кто бы мог подумать, что меня угораздит в нее влезть? Раньше я не замечала за собой явной безрассудности. Ведь знала, что впереди ожидает гадость, а все равно полезла. Может, это северяне на меня так дурно влияют и толкают на необдуманные поступки?

– Готово, – снял ладонь с моего лба Сойка. – Как ощущения?

Прислушалась к себе. Боль еще присутствовала слабой тенью на грани сознания. Тело ломило, словно после дня изнурительных тренировок, чувствовалась слабость, но жить было можно.

– Сам вижу, что умирать не собираешься. – Он отошел к рукомойнику, щедро намылил руки мылом и долго смывал, не жалея воды.

Я снова села на кровати, голова отозвалась легким звоном, но боль не пришла.

– И долго я валялась?

– Солнце только зашло, – отозвался от рукомойника Сойка.

Дверь в избу распахнулась, на пороге появился Отшельник. Бросил быстрый взгляд мою сторону, и облегчение, промелькнувшее в его глазах, приятно согрело душу.

Северянин прошел в комнату, скинул плащ. В печи уютно гудело пламя, и в комнате было довольно тепло.

– Как ты?

– Нормально, – пожала плечами я.

– Представь, она еще смеет говорить, что нормально! – то ли возмутился, то ли пошутил целитель.

Он закончил плескаться и теперь возился около печи, отодвигая заслонку. По комнате поплыл аромат вареной картошки, рот сразу наполнился слюной, и я поняла, как зверски проголодалась.

– Тогда иди ужинать, если нормально, – позвал Сойка, пристраивая чугунок на столе.

Осторожно встала, привыкая к странной легкости в голове, подошла к столу.

– А что произошло? – поинтересовалась я, катая в руках горячую картофелину.

– Да ничего особенного, сущие пустяки, – остался верен своему язвительному тону Сойка. – Взрывом от сработавшей ловушки разнесло полдеревни. Уцелела лишь пара домов на окраине. Тебя впечатало в забор и привалило сверху. Меня протащило по улице, а Отшельника закинуло в чей-то двор.

Я нервно сглотнула. И есть мне сразу расхотелось.

– А почему...

– Щиты, Айрин, – устало пояснил Отшельник, – я их поставил на тебя прошлой ночью.

Поставил, как только понял, кто я.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я.

– Это тебе спасибо, Айрин. – Отшельник поднял глаза, и от его тяжелого взгляда мне стало не по себе. – Ты разрядила ловушку, не мы. И хотя мне безумно хочется тебя придушить за самодеятельность, будет справедливо поблагодарить тебя. Если бы не ты, мы бы не сидели сейчас за столом.

– Вот так, южанка. – Сойка ловко очистил картофелину, макнул в подсоленное масло и закинул в рот. – Я бы тоже присоединился к экзекуции, но обет целителя не позволяет добивать больных. Ты ешь, ешь. Картошка стынет.

Я посмотрела на картошку, обвела взглядом избу. В голове обрела наконец четкость мысль, что мы в той самой деревне, в доме у тех самых хозяев. И... тошнота бодро подкатила

к горлу.

– Почему я жива, спрашивать бесполезно?

– Ты же знаешь, в вопросе дара мы не сильны, – ответил Отшельник, затем бросил на меня озадаченный взгляд. – Айрин, что еще случилось?

Я прикусила губу. Какой внимательный!

– Понимаешь... – протянула я, не зная, как поделикатнее обойти вопрос о возникшей брезгливости. – Есть как-то не хочется.

– Не хочется или расхотелось? – уточнил северянин. – Если ты опасаясь льолдов – их здесь нет. Мы проверили дома. Ну а если тебя смущает конкретно этот дом, он чист.

– Чист?

– Айрин, – Сойка отложил в сторону наполовину очищенную картофелину, – некромант сначала подавил волю жителей, затем согнал их в центр деревни и там уже провел ритуал. Здесь их не убивали, если ты об этом. Заканчивай страдать по пустякам и давай ешь. Мне только не хватало тебя из голодного обморока вытаскивать.

И стоило, наверное, обидеться, но картошка пахла так аппетитно, а желудок сводило от голода, что я не выдержала. Вымыла руки, сполоснула лицо, смывая пыль и грязь, и сразу почувствовала себе лучше. Когда вернулась к столу, мужчины встретили меня понимающими взглядами.

Неделю назад я воротила нос от изысканных паштетов, мяса, запеченного с грибами и сыром, сложнейших десертов и ярких салатов. Теперь уплетала за обе щеки картошку в мундире с маслом, закусывала солеными огурцами и не уставала удивляться, как вкусно.

– Жаль, молоко скисло, – огорченно вздохнул Сойка, – я бы не отказался от кружечки.

– Оно всегда скисает, – заметил Отшельник.

Он сидел напротив меня. Где-то раздобытая керосиновая лампа светила тускло, больше воняя, чем давая свет. И в ее отблесках Отшельник казался лет на десять старше, а может, тому виной был его усталый вид.

Неожиданно во мне шевельнулось нечто похожее на жалость. Странное чувство к малознакомому мужчине, особенно если учесть наши непростые отношения... Попыталась воскресить ненависть и поняла, что ее давно и след простыл. Более того, стало казаться, что я сто лет знаю сидящих за столом мужчин. Сойку и Отшельника. Впору назваться Ласточкой для гармонии.

– Почему? – не удержалась я от вопроса.

– Не знаю. Наверное, реагирует на некромантские заклинания.

Ну прямо мистика какая-то. И молоко у них скисает, и ритуалы над целой деревней проводятся, и некроманты по лесам шляют в компании с льолдами. И как я раньше жила без всего этого?

– Айрин, на ночь мы остаемся здесь, твоя задача выспаться. Выходим утром.

Я кивнула. Ночь на мягкой кровати, под крышей, когда ветки не колют спину, а ветер не забирается под рубашку... Роскошный подарок, что и говорить.

– Это не опасно?

Мужчины переглянулись. Ох, как мне не нравятся их переглядывания!.. Чувствую себя малолетней дурочкой, от которой прячут спички.

– Уйти сейчас было бы правильнее, – согласился Отшельник, – но ты свалишься через сотню шагов. Поэтому я предпочту остаться на ночь здесь, чем тащить тебя на себе.

Разумный выбор, но мне было не по душе присутствие некроманта, пусть и отдаленное.

– Откуда здесь взялся некромант и льолды?

Отшельник не торопился с ответом. Сойка так вообще вышел из-за стола и вскоре вернулся с большой глиняной кружкой, над которой поднимался пар. Запахло травами.

Он протянул напиток мне. Я взяла, осторожно принялась.

– Айрин, заканчивай, а? – недовольно попросил целитель. – Если бы я хотел тебя отравить, поверь, сделал бы это более изящным способом. Хочешь завтра ходить, а не ползать, – пей.

Доводы звучали убедительно. Не то чтобы я целиком и полностью доверяла северянам, но ползать завтра желания не было.

– Ты слышала о теории строения тонких миров? – спросил Отшельник, и от неожиданности я чуть не поперхнулась отваром. Тонкие миры? Вопрос на целую вечность.

– Ты говоришь о теории, согласно которой наши души после смерти сначала попадают в мир страстей и эмоций, а затем, пройдя очищение от них, уходят в светлый, изначальный мир?

– Читала работы отца Шагара? – Во взгляде Отшельника промелькнуло уважение. – Тогда для тебя все будет просто. Мир эмоций – некая прослойка между материей и чистой энергией, из которой состоит наша душа. Умирая, мы оставляем здесь тело, но забираем с собой страсти и желания. В тонком мире мы очищаемся от них, чтобы перейти дальше. Те, кто не сможет...

– «...остаются в чистилище на веки вечные, погрязшие в желаниях и страстях», – процитировала я.

– Верно. Это лишь теория, и мы, надеюсь, не скоро сможет проверить ее на практике. Выходит, что ближайший к нам тонкий мир, мягко говоря, отличается от нашего только отсутствием плоти.

– Намекаешь, что чудовища есть по обе стороны границы?

– Ты быстро схватываешь суть, Айрин, – благожелательно улыбнулся Отшельник. – Льолды – не просто ожившие мертвецы. Технически они и не мертвы: дышат, у них бьется сердце, течет кровь. Говорят, в льолдах присутствует частица самого проклятого, но, по мне, его просто не хватило бы на такое количество тварей за столько-то лет. Мне больше нравится идея, что некромант заменяет душу человека на нечто бесплотное, пришедшее из-за грани. Это даже не полноценное существо, иначе оно не стало бы ему подчиняться, скорее нечто темное и довольно прожорливое.

– Зачем они ему?

– А вот это интересный вопрос. Понимаешь, о некромантах мало что известно. Они редкие гости даже на нашем материке. Их родина лежит в центре Южании. Основная часть жителей обитает у подножия гор и в разбросанных по пустыне оазисах. Есть легенда, что проклятый, когда путешествовал по миру, жил некоторое время в тех местах, но это всего лишь старая легенда, не более.

– Как и сами некроманты, – подмигнул Сойка. – Я лично считал их выдумкой. Страшилками для детей.

А я считала страшилками льолдов и проклятого. Похоже, не только мне пришлось столкнуться с ожившей сказкой.

Я не стала больше уточнять, что думают северяне по поводу целей некроманта. Гадать можно было до бесконечности. Одно ясно: эта сволочь ходит по моей земле и превращает моих земляков в мертвецов.

Дело пахло настолько отвратительно, насколько отвратительна может быть сама смерть. Точнее, не смерть, а противоестественное перемещение души за грань. И следовало не разлеживаться в кровати, а драпать, сверкая пятками, до самых Ледяных гор.

Зевнула, прикрывая рот рукой. Спать хотелось зверски.

– Я выйду?

Несмотря на свое высокое княжеское происхождение, я имела представление о том, как устроены удобства в деревенском доме.

– Давай, – кивнул Сойка.

Ночной воздух встретил меня замораживающей прохладой. Вокруг простиралась темнота, лишь за спиной блекло светилось окошко нашего дома. Над головой холодно горели звезды, легкой вуалью протянулся через небо Млечный Путь.

Я вдохнула полной грудью, стряхивая сонливость и избавляясь от противного привкуса керосина во рту. Тишина, укрытая тьмой, не казалась больше противоестественной.

Зажгла фонарь, выданный мне Отшельником. Кружок света выхватил утопанный двор, деревянную стену сарая и привалившееся к ней старое, растрескавшееся от времени тележное колесо. Желтое пятно скользнуло дальше, подсвечивая поленицу, пустую собачью будку, раскоряченную яблоню, нависшую над сараем. Перевела луч вниз и наконец обнаружила прямоугольное строение, притулившееся в конце двора. Вот оно, то самое.

Когда шла по двору, за спиной раздался характерный скрип входной двери. Северяне не оставили меня без присмотра даже в такой малости. Так и не решив, хорошо это или плохо, задерживаться на улице я не стала.

Вернулась, и в теплой избе сонливость накатила с новой силой. Спать захотелось так, что еле доползла до кровати. Мельком отметила чистое, перестеленное белье, забралась под пуховое одеяло и отрубилась, едва только голова коснулась подушки.

– Уснула? – уточнил Отшельник, прислушиваясь к ровному дыханию девушки.

– Ты же знаешь, сонные отвары удаются мне лучше всех. – Сойка даже не улыбнулся. Голубые глаза остались серьезными, точно с уходом девушки из-за стола отпала необходимость носить маску весельчака.

– Тогда я в дозор. – Отшельник встал, потянулся за плащом.

– Когда ждем гостей? – Сойка повертел в руках картофелину и со вздохом отложил – больше уже не лезло.

– Часа в четыре, не раньше. – Отшельник проверил меч, сунул за пояс два револьвера. – Я разбужу тебя через два, сменишь.

– Может, поспишь? Охранки сработают, если нас кто-нибудь навестит.

Хлопнула дверь. Реплика Сойки повисла в воздухе без ответа.

Глава 8

Романтика шантажа

Отшельник вышел на крыльцо, постоял, давая глазам время привыкнуть к темноте.

Ночь была ясной и звездной. Луна собиралась почтить своим присутствием землю, желтым краем высываясь из-за темных верхушек деревьев. Туман пробирался от ручья, накрывая пушистым одеялом прибрежные кусты. Отчетливо пахло гарью и осенней сыростью. Пожар успел заняться прежде, чем Отшельник его потушил.

Досталось деревушке знатно. Уцелело лишь три дома на окраине да этот, в котором они устроились на ночлег.

Отшельник спустился с крыльца и вышел на улицу. Днем они с Сойкой отлично поработали, превратив хаотичные завалы в парочку вполне приличных баррикад. И теперь он обходил их одну за другой, прислушиваясь к тишине ночи.

Вдруг меж полуразрушенных стен эхом прокатился крик ночной птицы. Отшельник насторожился, но крик повторился уже дальше, и он успокоенно выдохнул – ложная тревога, сова вышла на охоту. Северянин дошагал до околицы, оценил диспозицию будущего боя. Охранки и ловушки – это хорошо, но сталь меча гораздо надежнее. А помахать им придется.

Сбоку что-то зашуршало. Он напрягся, резко повернулся и тут же отвел меч в сторону.

– Нарвешься когда-нибудь, – прошептал в темноту.

– Отобьюсь, – махнул рукой Сойка, выходя из глубокой тени полуразрушенной стены дома. – Тебе лучше вернуться.

– Что-то случилось? – напряженно поинтересовался Отшельник, убирая меч в ножны.

– Увидишь, – туманно пояснил брат, и ледяной выругался про себя. Сойка всегда любил позерство, даже когда оно было совсем не к месту.

Вдвоем они вернулись в дом. Отшельник первым шагнул в избу, окинул быстрым взглядом комнату. Айрин спала на кровати, разве что одеяло скинула на пол.

– И? – повернулся он к брату.

– Я вырубил ее. – Сойка подошел к девушке, подобрал одеяло, накинул сверху. – Хватит от силы на полчаса, затем все по новой.

– Что по новой? – не понял Отшельник.

Брат как-то по-особенному усмехнулся, и сердце северянина сдавило от острого предчувствия неприятностей. Самое противное, он был уверен, что льолды и даже некромант тут ни при чем.

– Ты можешь сказать толком? – рассердился он, чувствуя, как в душе начинают ворочаться смятение и тревога.

Айрин шумно вздохнула, повернулась на бок, подложив под щеку руку. Отшельник перевел взгляд на девушку. Сейчас он ясно видел, что с ней не все в порядке. На щеках выступил яркий румянец, на лбу блестели капельки пота, дыхание стало частым и прерывистым. Заболела?

Сойка приложил палец к губам и поманил брата за собой на крыльцо. Тихонько прикрыл дверь, постоял, прислушиваясь к тишине за ней, и, когда стало ясно, что девушка не проснулась, выдохнул с облегчением. Отшельнику на мгновение показалось, что Сойка боится, но он тут же отогнал нелепую мысль.

– Что с ней? – спросил он и получил в ответ недовольное:

– Тише. Если проснется, придется действовать быстро. Не уверен, что смогу уложить ее второй раз, – прошептал брат. – И не смотри на меня так. Я не сумасшедший. В отличие от тебя, я прекрасно понимаю, что происходит.

– И что же? – Отшельник постарался скрыть иронию, но Сойка все равно кинул на него раздраженный взгляд.

– Дар. Он просыпается.

– Это мы знаем уже давно.

– Но просыпается неправильно. Слишком быстро. Если я прав и его целенаправленно тормозили все эти годы, то сейчас процесс напоминает распрямление туго сжатой пружины. Бах, и все!

– И чем ей грозит этот бах? – поинтересовался Отшельник.

– Нам всем, – поправил его Сойка. – С даром шутки плохи. Если мы ей не поможем...

Сойка замолчал, но Отшельник понял его и без слов. К чему может привести неправильное развитие дара, он знал и без брата. Тяга к смерти становилась у ледяных слишком сильной, чтобы ей можно было противиться. Убийство или самоубийство. Страсть к пусканию чужой крови или стремление оборвать собственную жизнь. Иногда и то и другое вместе. Ледяной дар не терпел неуважения или поспешности. Он просто отбраковывал ненужные экземпляры с холодной рассудительностью генетика.

И самое поганое, они просто не успевали что-либо сделать. Ближайшая ледяная, способная помочь, обитала при дворце в шести днях пути отсюда.

– Хорошо, я проникся и понял. – Он еще пытался шутить, но на душе все отчаяннее скреблись предвестники неприятностей. – Что надо делать?

Перспектива заполучить полоумную ледяную его не устраивала ни в каком варианте. Как будто мало того, что они на вражеской территории, с бродящим по округе некромантом. Трехликий изволит шутить или это происки проклятого?

С рассветом они уйдут отсюда, даже если ему придется Айрин связать и тащить на себе.

– Что-то мы можем, – покладисто ответил брат. В комнате послышался скрип кровати, и он быстро подпер ногой дверь.

Отшельник удивленно вскинул брови: в самом деле боится? Нет, не боится, скорее, смущен и чем-то сильно озадачен.

– Что? – выдохнул он, с трудом сдерживаясь, чтобы не стукнуть Сойку. Уж слишком раздражающе медленно отвечал на вопросы брат, да еще и глаза при этом отводил в сторону, как девица на свидании.

– Я не уверен... – проямлил Сойка, и Отшельник прямо-таки почувствовал, как у него зачесались кулаки. – Точнее, почти уверен. Понимаешь, дар сам решает, что ему нужно в данный момент.

Скрип за дверью повторился, Сойка вздрогнул, бросил затравленный взгляд на брата и наконец зачастил. Отшельник вслушивался в горячий шепот, улавливая не все слова, но общий смысл был и так понятен.

– Ты же знаешь, они никого из мужчин к своим секретам не подпускают, но я целитель. Меня немного учили, первую помощь оказать при ранении или... Я тогда в обители был, а там лекарша новенькая приехала, ну и наша главная, Мать рода Шатросски... Я рядом оказался, часть их разговора слышал. Так вот, дар просыпается с первыми лунными днями, и... они гораздо позже, чем у женщин из других мест. Лет в семнадцать-восемнадцать. И в

течение года ледяные, как правило, выходят замуж, так?

Отшельник задумчиво кивнул. До сего момента временные рамки лунных дней и замужеств ледяных его мало интересовали, точнее, не интересовали совсем, но Сойка не стал бы нести чушь. Не те обстоятельства.

– Раньше все быстрее было. Лунный цикл, недели две-три – и замуж. Сам понимаешь, за две недели тяжело уложиться, вот они и придумали дар обманывать, чтобы можно было замужество отложить на год или даже больше. Как только цикл начинается, они девственность удаляют.

– Что? – вынырнул из глубоких раздумий Отшельник и ошарашенно уставился на брата. Какая, к проклятому, девственность, когда у них некромант под боком?

– М-м-магически, – заикаясь, пояснил Сойка. – Ты не думай, я и сам гадал, зачем такие сложности, а потом понял. Дар, он же только у женщин просыпается, да? А если женщина с юности в бой с тварями лезет, какой шанс, что она доживет до свадьбы и рождения детей? Никакого. Вот дар и подстраховывается. Принуждает к замужеству, чтобы род не пресекался. Понимаешь, почему они в горы раньше двадцати пяти лет не суются? Чтобы успеть после себя потомство оставить.

Потомство, девственность, замужество. Слова крутились в голове, не складываясь в логичную картину. Им-то сейчас какое до всего этого дело?

– И?

– Не улавливаешь, да? – с сочувственной улыбкой, от которой у Отшельника скулы свело, поинтересовался Сойка. – Айрин еще не встречалась с мужчинами. А дару это не нравится.

– Не нравится? – выдохнул Отшельник, остро жалея, что дар слишком неуловимая субстанция, чтобы можно было всерьез мечтать набить ему морду. – Так удали ее, эту девственность. Магически. Ты же целитель?!

– Не могу, – помотал головой Сойка. – Если бы мне раз показали, тогда другое дело, а так... Даже не проси. Если я лишнего наудалю, мне потом Мать рода Соретки лично что-нибудь оторвет.

Отшельник вспомнил суровое лицо Матери Нуреи, которая по молодости в рукопашной многих здоровых мужиков валила, и со скрипом вынужден был принять доводы брата. Эта оторвет и не побрезгует.

Сойка внезапно побледнел, втянул голову в плечи. Отшельник прислушался. Показалось? Нет. В доме отчетливо послышалось шлепанье босых ног.

Почему-то стало страшно. Довод, что в комнате слабая девушка и никого больше, не работал. Инстинкт упрямо твердил, что за хлипкой дверью находится некто опасный и встречаться с ним не стоит.

Отшельник сплюнул, выругался вполголоса – помешательство брата оказалось заразно. Отпустило. И уже цинично предложил:

– Тогда что же ты, целитель, традиционным способом не помог девушке, а?

Спокойно выдержал гневный взгляд брата. Сойка первым отвел глаза и почти неслышно прошептал:

– Испугался. Вдруг ему не понравится?

Сохранить невозмутимое выражение лица Отшельнику удалось с трудом. Нет, с мелким явно что-то происходит. Это кого он сейчас имел в виду?

– Я же, считай, ничего не умею.

Скорбь в голосе, темный румянец на лице и смущенный вид Сойки должны были

пробудить жалость, но Отшельник чувствовал лишь растущее раздражение. Развели, понимаешь ли, романтические нюни. Одна решила стать ледяной за рекордно короткий срок, второй не может сам решить пустяковую проблему. Целитель он или кто?

– Это ты у нас опытный. О том, как ты с графиней Саринеро в столице развлекался, даже до семьи слухи доходили. А я? Всю жизнь в горах. И ничего, кроме гор, больше не видел. Откуда мне было опыта набратся?

Голос Сойки сорвался на крик и тут же испуганно смолк. Шлепанье босых ног зазвучало совсем близко, и Отшельник, сам не зная почему, тоже подставил ногу к двери. Безумие какое-то.

Шаги затихли, а затем стали удаляться. «Кругами ходит, дразнит», – мелькнула мысль.

Несколько лет назад он был в столичном зоопарке. Вот там, среди бестолковых обезьян, шумных попугаев и сонных медведей, стояла клетка с тигром. Рыжий хищник, мягко ступая огромными лапами по дощатому полу, ходил кругами, то приближаясь, то удаляясь от решетки. Бил по бокам длинный упругий хвост, в зрачках лениво плескалось золото. И внешний облик зверя был обманчиво спокоен. Именно что обманчиво. Отшельник не сомневался, что, если убрать решетку, каждый подход мог закончиться чьей-то смертью, а глядя на него, тигр уже рассчитал и прыжок, и атаку, и завершающий удар лапы, а может, даже предвкушал хруст шейных позвонков...

– А та, рыженькая? – спросил он, чтобы отвлечься и хоть немного отложить знакомство с «тигром».

– Из обоза? Да мы тогда так напились, празднуя победу, что я не помню ничего толком. Утром проснулся, голова раскалывается, она рядом. Не будешь же уточнять, как себя ночью показал, – нервно рассмеялся Сойка. – А дома, сам знаешь, Лотти за мной хвостом ходит. Уже лет десять, как все нас женихом и невестой называют.

– Ты поэтому убежал? Она же тебе нравилась.

Наверное, это называлось братской солидарностью. Злость ушла, осталось лишь горькое сожаление. Он наивно считал, что у мелкого все хорошо и тот всем доволен. Целительство – уважаемое занятие. Родители всегда гордились младшим сыном. Его ждали неплохой заработок и любящая жена, а он, оказывается, вовсе не мечтал о спокойной жизни.

– Лотти – отличная девчонка, и я, наверное, на ней женюсь, но что меня ждет в будущем? Госпиталь? Горы? Брак с единственной женщиной? А я хочу, как ты. Другие страны посмотреть и...

– И других женщин пощупать, – грубо оборвал его Отшельник.

Сойка обиженно насупился и замолчал.

А внутри него будто кто-то дал отмашку: пора.

Он сдвинул брата с дороги, распахнул дверь и шагнул в теплый полумрак сеней. Короткий коридор сразу выходил в комнату – хозяйева не успели навесить внутренние двери, снятые из-за летней жары.

В спину донеслось негромкое:

– Ты там не очень-то долго. Нам еще льолдов встречать.

– Да пошел ты, – огрызнулся он, входя в комнату.

Переступил порог, и из головы разом вылетели мысли о льолдах, о брате и подставах судьбы.

Она стояла к нему вполоборота, развлекаясь тем, что тушила и зажигала свечи, выстроенные полукругом на столе. Без спичек. Просто щелкая пальцами. Свечи послушно

гасли, поднимая к потолку сизый дымок, а затем загорались желтым огоньком. И в их свете волосы девушки то темнели, становясь черными, то вспыхивали белым золотом.

– Хорошо, что сам пришел, – повернулась она, – и не пришлось за тобой бегать по всей деревне.

Взгляд Отшельника скользнул по обнаженным ногам, короткой рубашке, едва прикрывающей попу, дошел до расстегнутых верхних пуговиц и замер в районе подбородка, не желая подниматься выше. Он знал, что там увидит, знал и боялся.

– Ну что же ты стоишь на пороге, как неродной. Проходи, – она махнула рукой и даже улыбнулась, – я не кусаюсь.

Словно замороженный, он медленно сделал шаг. Во рту пересохло, ноги будто налились свинцом, и срочно захотелось оказаться где-нибудь в другом месте: на передовой, рядом с некромантом, да где угодно, только не здесь. Сейчас он чувствовал себя гораздо хуже, чем на первом свидании с бойкой служанкой в отеле, и не намного увереннее, чем Сойка с его неопытностью.

«А если ей не понравится? Если я сделаю что-то не так?» – крутилось в голове.

Графиня, конечно, была отличным учителем, и до сего времени он считал себя опытным в любовных делах, но перед Айрин его уверенность таяла с каждой минутой. Нужны ли дару любовные игры? Или раз-два, и готово?

– Какой нерешительный! – недовольно проговорила она, и Отшельник с болью заметил, что даже голос у девушки стал другим – низким и глубоким. – Придется, как обычно, все делать самой!

Она сделала к нему шаг, и северянин едва удержался, чтобы не отшатнуться.

– Боишься? – насмешкой засеребрился голос девушки.

Он помотал головой.

– Тогда почему не смотришь в глаза?

Протянула пахнущую пчелиным воском руку, приподняла его голову за подбородок.

– Смотри! – приказала она, и Отшельник не смог противиться силе ее голоса.

Холодный голубой свет, льющийся из глаз девушки, замораживал своей нечеловеческой красотой. Он не был однородным. В глубине мелькали тени, вспыхивали и гасли искры, рождались и умирали вселенные. Отшельник потянулся, все глубже погружаясь в синелазоревую бесконечность. Туда, где закручивались спиралями чудовищные энергии, где проскакивали белые ветвистые молнии, туда, где теряли силу законы материи.

– Достаточно.

Сильный толчок в грудь отшвырнул его на пару метров, чувствительно приложил об стену. Сверху печально загремел таз, качаясь на гвозде.

– Мал еще. Подрасти немного, – усмехнулась девушка, и к Отшельнику с ошеломляющей ясностью пришло понимание: перед ним сейчас некто во много раз старше, мудрее и любовные игры его волнуют в последнюю очередь.

Он встал, поправил нож на поясе. Надо было успокоиться, собраться с мыслями...

– Красивый, – приветливо улыбнулась девушка, снова став другой. На этот раз перед ним жеманно хлопала ресницами юная кокетка. – Девочке повезло. У вас получатся отличные дети.

Дети? Он судорожно сглотнул.

– Рада, что тебе она нравится. Ой, не красней, так даже лучше. Люблю счастливые пары.

Тонкая белая рука коснулась пуговицы рубашки в районе груди и медленно ее

расстегнула.

«Подбородок!» – приказал он себе, возвращая соскользнувший вниз взгляд.

Серебристый смех показал, что его маневр оценили.

– Даже не посмотришь? – Еще одна пуговица оказалась расстегнутой. – Там есть на что посмотреть!

Если бы кто-то посмел ему намекнуть о симпатии к Айрин, он бы возмутился и попытался все опровергнуть. И еще долго не отдавал бы себе отчета в том, почему его тянет к девушке, наивно веря, что его забота ограничивается лишь желанием вернуть заблудшую ледяную на родину предков.

И сейчас, стараясь удержаться от стоящего перед ним искушения, он вспоминал их первую встречу. Воскрешал перед глазами облик вытащенного на тропинку и крайне недовольного этим взъерошенного воробушка – короткие волосы с застрявшими в них иголками и лесным мусором, светло-голубые глаза, тонкие черты лица и упрямый, гордо вздернутый подборок. Вспоминал восхищение, промелькнувшее в голубых глазах, и сменившее его после обвинения в шпионаже настороженное презрение.

Вспоминал проснувшееся в душе уважение после долгого и быстрого перехода по лесу. У воробушка оказался стальной характер. Девушка не жаловалась, не старалась облегчить свою участь, стойчески перенося плен. Другая бы на ее месте закатила истерику, пытаясь доказать, что она – ледяная. И он конечно же ей не поверил. При такой внешности отсутствие дара буквально вопило об обмане.

Ночью, когда они почуяли присутствие льолдов, он первым делом блокировал Айрин. Слишком подозрительным казалась их встреча в лесу, слишком невероятным было последующее появление льолдов. Совпадение? Он давно в них не верил.

Но девушка не делала попыток освободиться. Лежала, молча глядя в черное небо, а он с замиранием сердца смотрел, как в ее глазах начинают отражаться звезды и серебристо-голубыми искрами просыпается дар.

Удивление? Нет, пожалуй, полное замешательство и первая реакция – не может такого быть, потому что быть не может. Но искрам было наплевать на его мнение, они, словно насмехаясь, продолжали мерцать, сводя с ума своим блеском.

А затем мысли ушли совсем в другую сторону. Помешательство решило поиграть с ним в новую игру. И как-то внезапно стало не все равно, что под ним мягкое женское тело и теплое дыхание щекошет ладонь. Он ощущал ее запах: острую смесь кострового дыма, осеннего леса и еще чего-то неуловимо женского, дразнящего и будоражащего кровь.

Тогда он списал все на долгое воздержание, но воспоминание об их вынужденной близости преследовало его всю оставшуюся ночь и утро и лишь днем отпустило, сменившись картиной изломанного, впечатывающегося в забор тела.

Ему доводилось терять людей. Война не бывает милосердной, но почему-то сегодня боль от потери казалась пугающе острой. Поднимаясь с земли, куда его зашвырнула взрывная волна, он почти не чувствовал полученных ушибов и синяков, другая боль оказалась сильнее. Она раскаленной иглой сидела в сердце, и он не мог заставить себя пойти туда, чтобы убедиться, проверить. И лишь когда Сойка крикнул: «Жива!», его отпустило, он закачался на ослабевших ногах и несколько долгих секунд приходил в себя.

Потом была изнуряющая расчистка дороги, и он нагружал тело, очищая тяжелой работой мозг. И все должно было идти по плану. Должно...

В комнате сильнее пахло плавящимся воском свечей. Было жарко, и давно следовало скинуть плащ, но Отшельник боялся пошевелиться. Неподвижность была его защитой, пусть слабой и временной, но защитой.

Последняя пуговица на рубашке. И ткань светлой птицей спланировала на пол, открывая ему совершенство. Надо было закрыть глаза, отвернуться, но он застыл, не в силах отвести взгляд. Небольшие упругие груди с горошинками напрягшихся сосков, плоский живот. По-мальчишески подтянутая фигура, ему такие всегда нравились. Ниже не смотрел, но и этого ему хватило, чтобы ощутить, как пересохло в горле, как сильнее забилося сердце и напрягся низ живота.

Девушка постояла, наслаждаясь произведенным впечатлением, затем скользнула за спину, прижалась, и он едва сдержал стон от накатившего желания. Вожделение ударило по нервам, плавя последние преграды.

Она обняла его, потянулась к застежке плаща...

– Нет, – скрипнул зубами он и перехватил ее руки, накрыв ладонями, – это будет нечестно по отношению к ней.

– Глупый, благородный мальчик, – мурлыкнули сзади, и девушка сильнее вжалась в него, потерлась бедрами, – так и будешь упрямитесь?

– Буду, – хрипло ответил он, со страхом ощущая, как остро реагирует тело на ласку, как наслаждение затуманивает мозг, хороня остатки совести.

– Ну хорошо, – недовольно протянули за спиной. На столе задрожали огоньки свечей, и в комнате ощутимо похолодало. – Ты сам это выбрал. Девочка ничего не будет помнить утром, доволен? Только учти, она останется чужой, и ее доверие придется завоевывать. Видишь ли, милый, любовь без доверия растет плохо. Согласен?

– Нет, – повторил он, прекрасно понимая, что удар в спину отразить не сможет. И несмотря на зажатые в его ладонях руки, стоящее за спиной существо справится с ним играючи.

– Молодой и глупый, – хмыкнули сзади. Стало еще холоднее, а часть свечей погрузилась во мрак. – Заменить тебя, что ли? Второй, хоть и трусливый, но поговорчивее будет.

Отшельник промолчал. Ночь, изба, свечи, он в объятиях обнаженной женщины... И все так сложно и непонятно.

– Хорошо, откажись. Только знай, встречу с некромантом ей не пережить.

Знакомое чувство тщательно расставленной ловушки. Только сейчас он не просто попал в нее, а увяз – полностью и бесповоротно.

– Так-то лучше. – Она улыбнулась. Отшельник не видел, просто знал, что она улыбнулась. Ослабил руки, позволяя расстегнуть застежку на плаще.

Плащ упал на пол, как рухнувшая линия обороны.

Дар не обманывает – это закон. Использует втемную, недоговаривает, но прямого обмана в его словах нет. И вполне может оказаться, что своим отказом Отшельник нарушил бы какое-нибудь древнее правило, и тогда сегодняшний моральный выбор показался бы ему детским лепетом.

И все равно его не покидало чувство, что он еще пожалеет о своем согласии, и расплата будет горькой. Это такой выбор... меньшего из зол.

Плечи придавило чувство ответственности, а внутри зрело решение, окончательное и бесповоротное – он должен привести Айрин в Северную Шарналию, пусть и ценой собственной жизни.

Игры проклятого! Пять лет назад Отшельник бежал из родного дома. Бежал, задыхаясь от идиотских запретов, миллиона табу, нелогичных законов и ничем не объясненных решений Совета. Бежал, не в силах примириться с безоговорочным послушанием Матери рода. И долго не понимал, почему его отпустили. Понимание пришло через год, когда его откопали в вербовочном центре особых войск его королевского величества и предложили поработать на родину за ее пределами.

Вот она, издевка проклятого. Дар ледяных никогда не забывает о своих детях. Рано или поздно берет свое.

– Не мучай себя, – прошептало его наваждение, касаясь теплой рукой щеки. Она расправилась с плащом и теперь стояла перед ним, нацелившись на гимнастерку. – Просто доверься.

Отшельник усмехнулся – доверять он отучился давно. Провел рукой по мягким волосам, осторожно коснулся обнаженной спины, словно все еще не веря, что это происходит с ним наяву.

– Айрин будет моей, по-настоящему, – пообещал больше себе, чем ей.

Короткий смешок показал, что его упрямство оценили, но в конечном результате сильно сомневаются, а затем стало не до разговоров. Погасли свечи, погружая комнату в полумрак. Теплые девичьи губы коснулись его губ. Осмелев, он притянул девушку к себе и нежно провел рукой по ее спине. Смял губы первым поцелуем, с восторгом ощущая, как ему отвечают взаимностью.

Пусть это иллюзия, пусть одна ночь. Но кто знает, куда заведет дорога, а у него останется хотя бы это воспоминание.

Горячее тело под руками. Запах страсти, смешанный с запахом воска. Дразнящие прикосновения, и стук ее сердца под ладонью. Упоительные изгибы и становящиеся все более смелыми ласки.

Он подхватил ее под ягодицы, вжал в себя, вдыхая одуряющий запах женского тела. Торопливо подошел к кровати, осторожно опустил драгоценную ношу на постель. Пусть их первая ночь станет такой же странной, как и вся жизнь ледяных, но второй раз будет достойнее, и крестьянскую избу сменят дорогие палаты, а простыня будет не грубой льняной, а из тончайшего шелка.

Он разделся по-военному быстро, не отводя глаз от белеющего в темноте тела, затем наклонился и проложил цепочку горячих поцелуев от шеи до живота. Тонкие женские руки обхватили его шею, пальцы погрузились в волосы. Он слышал стон, чувствовал, как Айрин изгибалась под его ласками, и перестал сдерживаться. Этой ночью она целиком его, без остатка.

Глава 9

Льолды, некромант, или Ледяным не чужды душевные переживания

Они долго лежали обнявшись, не в силах оторваться друг от друга. Комната потихоньку остывала, и луна все настойчивее светила в окно, намекая, что пора возвращаться к земным обыденным делам. Время волшебства истекло.

Отшельник чувствовал необъяснимую бодрость во всем теле, точно и не провел ночь без сна.

Айрин, пристроив голову ему на плечо, дышала ровно и спокойно, а вот он так и не смог сомкнуть глаз. Верил и одновременно не верил в случившееся. Он осторожно встал, накрыл девушку одеялом.

Решение рассказать обо всем Айрин крепко, но сначала надо ее подготовить, чтобы не испугалась, не отстранилась.

В одних лишь штанах он вышел во двор, с наслаждением ощущая, как ночной воздух охлаждает разгоряченное тело. Набрал в колодце воды, принес в избу. Согрел заклинанием.

Поднял сонную нежность с кровати, поставил в таз и обмыл, как ребенка. Айрин стояла с закрытыми глазами, и он поддерживал ее за талию, чтобы не упала. Вытер чистым полотенцем, найденным в шкафу, одел в рубашку, нижнее белье и уложил спать, подоткнув одеяло.

Оделся сам, потом долго стоял над спящей девушкой, разглядывая тонкое, изящное лицо, разметавшиеся по подушке волосы, в которых после сегодняшней ночи появились более светлые, почти белые полосы. Не удержался, коснулся губами лба, вдыхая ставший родным запах, и, уже не оглядываясь, вышел из дома.

На улице стало еще холоднее, и он запахнул плащ, не желая делиться остатками тепла. Разожравшийся за полночи туман подползал к домам, грозя вскоре поглотить деревню целиком.

Восточная окраина его волновала мало, а вот западная доставляла некоторое беспокойство.

Сойка сидел на бревне перед первым завалом. Нахохлившийся и закутанный по самый нос в плащ, он напоминал лесную птицу, которую ночью застиг на ветке луч фонаря. Отшельник постоял, разглядывая спину брата, точно обнаружил на ней нечто занятное.

- Ты сопишь на всю деревню, – произнес Сойка, не оглядываясь.
  - Думал, что ты заснул, – усмехнулся Отшельник, присаживаясь рядом.
  - Просто так пришел или?..
  - За помощью.
  - Что? – Сойка от избытка удивления даже закашлялся.
  - Ну, другого спеца по дару у нас нет, а ты, я смотрю, мастер нужные разговоры подслушивать.
  - Тогда случайно вышло, – насупил младший.
  - Вышло очень удачно, – поправил его Отшельник. – Лучше скажи, нам теперь эту страсть голубоглазую все время терпеть? Или утром к нам вернется привычная Айрин?
- Сойка облегченно выдохнул:

– Я уж решил, ты меня за другой помощью позвать решил.

– Да? – картинно удивился Отшельник. – Впрочем, посмотри ее, когда вернемся, хорошо?

– Посмотрю, – согласился Сойка, – а дар... Не уверен, но вроде как он берет полный контроль над телом только во время смертельной опасности.

– Смертельной, говоришь? – прищурился Отшельник, чувствуя, как сердце одевается в ледяную броню плохих предчувствий. Смертельных, значит. И что, интересно, дар имел в виду, говоря о некроманте? Какая встреча? Не будет ее, и точка. А вот с льолдами он сегодня с удовольствием побеседует. Языком стали, конечно.

На дороге за деревьями расцвели ярко-красные цветы сигналок, противно и тонко взвыли предупреждающие сирены.

– Началось! – Сойка соскочил с бревна и азартно потер руки. – Наконец-то согреюсь. Это некоторые в любовном гнездышке развлекались, а честные солдаты мерзли, охраняя их покой.

– Сой-ка, – протянул по слогам Отшельник, – заканчивай. А то не посмотрю, что брат. Живо кулаком воспитаю.

Сойка угрозу пропустил мимо ушей, его сейчас волновало совсем другое. Например, сколько льолдов отправил на разведку некромант, и не останется ли он без боевых подвигов, как это частенько бывало, когда брат решал, что намечающееся дело слишком опасно для младшего. Но сейчас их только двое. И кто ему спину прикроет, как не он, Сойка?

Торжественность момента немного пугала. Это же не рядовая военная операция, а фактически северный рейд против нечисти, даром что не в горах, а в южных болотах, но сути это не меняет. Нечисть – вон она. Темные раскачивающиеся силуэты были заметны среди стволов деревьев. Сигналки подсвечивали их красным, и оттого казалось, что кто-то вылил на льолдов пару ведер краски. А красные отблески в глазах, как вечная жажда крови?

– Не меньше десятка, – прикинул Сойка. – Может, сразу за поводырем?

– Успеет убежать, – покачал головой Отшельник, – надо дать втянуться. Пусть увлечется. Я скажу когда.

Сойка достал меч, покрутил, убрал обратно. Что заранее-то махать? Пока эти доползут, можно успеть и чаю выпить. Льолды двигались неторопливо, зато учуяв запах свежей крови, развивали поразительную скорость, а в ближнем бою напоминали разъяренных медведей: сильные, ловкие и такие же охочие до мяса.

Жаль, что нет привычной пары мечей за спиной. Здесь, на юге, приходилось обходиться одним. Ничего не поделаешь, маскировка. Он передернул плечами, кинул завистливый взгляд на брата – тот обращался с единственным мечом легко и непринужденно, будто и не было долгих лет практики с двумя.

– Не нервничай, – бросил ему Отшельник.

Сойка только вздохнул – брат был по-северному спокоен и собран, словно погулять вышел, а за околицей сейчас друзей дожидается.

– Легко сказать, – проворчал Сойка и с удивлением посмотрел на меч в своих руках. Когда успел достать? Непонятно.

Лезвие неприятно отливало фиолетовым. Прямо не меч, а колдовской посох.

Накатил страх, принесся с собой неуверенность: вдруг не справится? Наставник частенько называл его позорищем с зубочистками в руках. А если сейчас он этой зубочисткой махать будет, да все мимо? Ладони разом вспотели, и он торопливо вытер их об

штаны.

– Что дальше? – спросил, чтобы отвлечься.

Отшельник вместо ответа чиркнул спичкой о подошву сапога, поджег факел. Ярко полыхнул огонь, высвечивая поваленные дома, завал за спиной. По дороге поползли тени, и Сойка моргнул, прогоняя цветные пятна перед глазами.

Брат метнул факел, тот угодил в кучу валежника, сваленного поперек. Жаркое пламя лизнуло политые керосином ветки, и разом взметнулся вверх фонтан золотых искр.

Передние льолды озадаченно притормозили около огня, но приказ поводыря погнал их дальше.

– Жениться, – неожиданно высказался Отшельник, шагая к первому гостю – здоровому мужику, который при жизни был, по-видимому, кузнецом. По крайней мере, его пудовые кулаки наводили именно на такие мысли.

– Жениться? – присвистнул Сойка, внимательно следя, как в круг света вступает еще один – тощий рыжий парень в длинной рубахе.

– Да кто же тебе позволит? – Первый взмах заставил рыжего отступить. Льолд ощерился, угробно зарычал и бросился вперед.

– Мы даже не знаем, какого она рода. – Сойка ловко уклонился, сместился вправо, подсек рыжего под ноги, и, когда тот стал заваливаться, рубанул по открывшейся шее. С хрустом перерубились шейные позвонки, и голова покатила под уклон дороги.

– Узнаем, – лаконично ответил Отшельник, принимая на лезвие следующего гостя, и посоветовал: – Поменьше болтай, береги дыхание.

Сойка и сам это понимал, но тема личной жизни старшего брата оказалась слишком волнующей, чтобы можно было смолчать.

– И когда собираешься осчастливить?

Высочившая из темноты собачонка взвизгнула, получив от Сойки лезвием по лапе. Некромант был неразборчив и поднимал все, что могло нападать, кусать и питалось в прошлой жизни мясом.

– Завтра, точнее, уже сегодня.

Отшельник крутанулся, не давая здоровой бабище напасть на него сзади, быстро взглянул, как идут дела у мелкого. Пока справляется, хорошо.

– И что, планируешь прямо так ошарашить? Мол, я тут переспал с твоим даром и готов жениться?

– Не вижу смысла откладывать.

Гости все прибывали, и на дороге становилось тесно. Хорошо, что на разведку отправили только взрослых. Воевать с детьми, пусть разум и понимал, что душой они мертвы, не слишком приятное занятие.

– А дать ей привыкнуть к себе не хочешь? – Сойка наклонился, пропуская над головой кулак льолда.

Тот встретился со стеной, и по дереву пошли крупные трещины. Твари были до проклятого сильны, и подпускать их ближе длины лезвия было весьма рискованно.

Он нырнул под замах, распарывая бок мелкому чернявому мужику, оказался со спины. Тварь зашипела от боли, попыталась развернуться и дотянуться до куска еды, но Сойка оказался проворнее. Подпрыгнул, ударом ноги отправляя тварь на встречу с остатками стены. Бревна от удара зашатались, однако устояли.

– Женщины, знаешь ли, любят, когда за ними ухаживают, – выдал он прописную истину,

почерпнутую из единственного любовного романа, который читал пару лет назад.

Быстрое движение меча, пока тварь не очухалась, и голова скатилась со своего законного места. Тело, лишенное головы, еще пыталось сопротивляться. Залитые в него силы не желали так быстро расставаться с приобретенным домом, и пришлось подсечь сухожилия на ногах, чтобы тварь наконец рухнула на землю.

«Они много чего любят», – усмехнулся про себя Отшельник, вспоминая, как знатно полегчал его кошелек после встреч с графиней, но мысль об уходе показалась здоровой. Он быстро припомнил жаркие встречи с опытной и соблазнительной Жаннет. Странно, но та на уходах не настаивала, частенько называя его «мой северный красавчик», и даже прощала, когда он приходил к ней без цветов или украшений. А вот счета за рестораны выходили разорительными, причем в буквальном смысле этого слова... Менее родовитые горожанки тоже были не прочь свести знакомство с ледяным, примечательная внешность делала его объектом домогательств многих, как совсем молоденьких, так и разменявших четвертый десяток.

Молодуха лет двадцати, не больше, оскалилась и попыталась взять Отшельника без долгой осады – нахрапом. На протянутых к его шее руках стукнулись друг о дружку костяные браслеты. Красным мелькнули на пышной, колыхающейся груди бусы. И это колышущееся великолепие живо напомнило выдающиеся формы графини. От воспоминаний стало жарко, сердце застучало быстрее, и он чуть было не поплатился головой за глупое промедление.

В последний момент уклонился от смертельных объятий, перекатом ушел в сторону, бешеным зайцем прыгнул назад, затем вбок, влево. Тварь закрутилась, не успевая за ним, запуталась в широкой юбке, и ему оставалось лишь точным ударом оборвать ее бездушную жизнь.

Вытер выступивший на лбу пот. Вот же, удача проклятого, чуть не достала. Правду говорят – все беды от женщин.

Взглянул, как дела у Сойки. Его активно теснили двое, и брат все тяжелее махал мечом, отступая в сторону завала.

– Давай за поводырем, – скомандовал Отшельник, отсекая излишне ретивую тварь, подбирающуюся к Сойке сбоку. – Разболтались мы, как бабы на базаре, – добавил себе под нос.

Сойка кивнул и шустро исчез в темноте. Двое льолдов проводили исчезновение еды разочарованными взглядами, а затем попытались рвануть следом.

– Куда? – Отшельник приглашающе улыбнулся. – Станцуем, милашки?

Милашки, одной из которых было под шестьдесят, а второй чуть меньше, дружно обнажили пожелтевшие от старости зубы.

Сойка вернулся минут через пятнадцать, когда все было кончено. Отшельник занимался физическими упражнениями, таская трупы с дороги и скидывая их в канаву.

Посмотрел на сумрачное лицо брата и уточнил:

– Удрал?

– Нет, – махнул рукой Сойка, – этот придурок на лошади удержаться не смог. Я коника пугнул немного, тот на дыбы, а этот с него кубарем. Только упал неудачно, прямо на шею.

– Ясно. – Отшельник ухватил очередного покойничка и поволок за деревню. Дорогу следовало очистить от трупов. Ссориться утром с Айрин и выслушивать вопли «Почему без меня?!» не хотелось.

Сойка горестно вздохнул, ожидая серьезного разноса – ничего, пусть привыкает к

ответственности за свои поступки, – и присоединился к зачистке.

На обратном пути с опушки леса он остановился, сунул руку за пазуху.

– Вот, – вытащил круглый медальон на толстой цепочке, – сувенир.

Отшельник взял некромантский медальон, ощутив, как жаром ударила по рукам чужая магия, наложил экранное заклинание и, когда кругляш похолодел, убрал в потайной карман. Жаль, не удалось захватить ученика живым, но медальон тоже неплохо. Будет чем помахать перед красным носом полковника.

Сойка звучно зевнул, покосился на брата и снова зевнул. Намек был более чем прозрачен. Отшельник и сам чувствовал, как усталость начинает брать свое, а в глаза словно песку насыпали.

Последний покойник с мягким стуком рухнул в канаву.

– Ладно, обновляй охранки, и спать. Больше гостей не ждем.

Я проснулась с потрясающим чувством, что жизнь прекрасна. Более того, что она просто восхитительна и прелестна сквозь призму невероятной бодрости. Хотелось петь, танцевать, обнимать и любить всех.

Чудесное утро! Вот что значит одна ночь на кровати под одеялом после стольких ночевок в лесу. Как тяжело тело отвыкало от комфорта и как обрадовалось его возвращению.

Вскочила, с трудом удержавшись, чтобы не воскликнуть:

– С добрым утром!

Слава Трехликому, хватило ума сначала оглядеться.

Изба напоминала сонное царство. Очень сонное царство двух усталых ледяных, уснувших сидя за столом, и одной ну просто неприлично бодрой девицы.

Пробудившаяся совесть заставила тихонько соскользнуть с кровати, потянуться за одеждой.

Сойка поднял от стола голову, посмотрел на меня мутными со сна глазами и тихо простонал:

– Айрин, дай поспать, а?

И уронил голову обратно на руки.

От такой наглости я даже не нашла, что ответить. Вот чем, интересно, они ночью занимались? Да еще вдвоем и, что самое возмутительное, без меня?

Плащи в спешно замытых бурых пятнах, подозрительно напоминающих засохшую кровь, утомленный донельзя вид... Спросить в лоб? Так не ответят же. Если не разбудили, значит, справились. Если справились без меня, то и откровенничать не станут.

– Я на двор, – застенчиво улыбнулась.

Сойка не ответил, Отшельник просто проигнорировал, как будто я не слышу, что его сопение изменило тональность.

Быстро влезла в штаны, надела на рубашку свитер. В избе было прохладно, за ночь комната выстудилась до бодрячка. На мгновение откуда-то пахнуло воском, словно здесь долго горели свечи. Должно быть, показалось. Я не настолько крепко сплю, чтобы пропустить ночные посиделки со свечами и задушевными разговорами. Если только...

И сразу вспомнился странный вкус отвара, которым меня поил Сойка, и его кристально честные глаза... Вот сволочь. Не отравит он... Он и не отравил, просто усыпил, и все.

Кинула убийственный взгляд на светлый затылок. Не помогло. Затылок даже не покраснел. Ну и проклятый с ним. Зато выпалась. И сны снились такие занятные... Не

помню точно, что именно, но сон оставил ощущение приятного взлета, всплеска странного удовольствия. Хм, я даже покраснела, когда пыталась вспомнить детали. И показалось, что в нем фигурировал некто светловолосый? Черты лица смазались, но я почему-то была уверена, что это ледяной.

Мелькнула шаловливая мысль: уж не жених ли привиделся на новом месте?

Вышла во двор. Солнце поднялось довольно высоко над деревьями, и лучи красиво подсвечивали ускользающие от них клочки тумана. И захотелось улыбнуться: осени, яркому солнцу, пронзительно-чистому, голубому небу, желтеющим листьям на яблонях и манящему, чуть горьковатому, грибному аромату, доносящемуся из леса.

Жизнь – прекрасна!!! И никто сегодня не испортит мне чудного настроения.

Возвращаться в избу желания не было. Если ледяные дрыхнут, значит, и мне безопасно будет прогуляться по округе. Изучить, так сказать, при дневном свете место боевого подвига. Ведь если разобраться по сути и отринуть всякие панические мысли: не хочу ничего слышать о даре, и даром он мне не нужен, это моя первая боевая операция. Не просто там – случайно наткнулась на гвардейцев, порубилась и сбежала, – а настоящая разведка в компании суровых северных разведчиков. Можно сказать, разведка боем, точнее, взломом ловушки, но это уже детали.

Прошла по улице. Честно сказать, я ее помнила совсем другой. Где тот милый палисадник с солнышками астр? Или симпатичный домик с резными ставнями? Сильно же тут все изменилось. Не будь я уверена, что ночью оставалась на месте, решила бы, что эти развалины не имеют никакого отношения к вчерашней деревне.

Хотя нет. Вон валяется кусок резного ставня, а там стоит чудом уцелевший остов колодца. А в остальном... Дома разметало, как от удара гигантского кулака. Даже не верится, что это все я. Точнее, мы – я и некромант – постарались.

Дошла до места взрыва. Выжженное пятно черной кляксой темнело на дороге. Обошла его по краю. Касаться этой гадости даже кончиком сапога желания не было.

Дальше дорогу преграждал качественный завал. Плотные ряды бревен, мусор и обломки мебели были уложены в одну кучу, а сбоку, сквозь почему-то уцелевший забор, виднелся полукруг двора с покосившейся стеной дома.

Не удержалась, заглянула и тут же пожалела об этом. В пыли были видны какие-то темные узоры, точно кто-то пролил краски, да так удачно, что вырисовалась сложная пентаграмма.

Сглотнула подступивший к горлу комок, во рту стало горько, а пальцы похолодели. Некто не удачно, а целенаправленно чертил на дворе пентаграмму, и бурые линии были не краской, а кровью. Так вот где работал некромант!

Я отшатнулась и поспешила прочь. Я не специалист по темной магии, да и не хочу им быть. И ни капельки не интересно, что он там вычерчивал. Меня от одного вида его творения тошнить начинает, и голова простреливает болью.

Перелезла через завал и... здравствуй, околица. Дальше деревня заканчивалась, и вставал лес.

И вот тут обнаружилось самое интересное. Нет, трупа некроманта на дороге не было. Честно сказать, ни одного трупа там не было вообще, зато дорога напоминала площадку перед скотобойней. Серая пыль была густо орошена темной жидкостью, а кое-где целые лужи натекли.

Присела, размяла в пальцах комочек грязи, поднесла к лицу и вдохнула слабый

железистый запах крови.

Сомнений быть не могло, не далее как ночью тут кого-то активно резали, причем явно не в единственном числе.

Встала, окинула взглядом поле боя, и внутри зашевелилась злость. Теперь понятно, чем занимались спящие красавцы. Вот же... засранцы, да простит меня мама за крепкое словцо.

Села на бревнышко, подставив лицо под теплые солнечные лучи, и крепко задумалась. Жизнь оставалась все еще прекрасной, но в ней появилась горькая нотка разочарования.

И все же я неправильная княжна. Спокойно сижу перед залитой кровью дорогой и никакого ужаса по данному поводу не испытываю.

Неправильная. Не такая, как все. Другая.

Мысль пошла дальше.

Отличная от всех. Лучше.

«Чем лучше?» – насмешливо уточнил некто внутри, и пришлось прекратить заниматься самовосхвалением. До добра это еще никого не доводило.

Представила, как выгляжу со стороны... Лужи крови, развалины домов, и посреди этого хаоса я на бревнышке загораю... такая хрупкая и неотразимая. Да любой, кто сейчас на дорогу выйдет, решит, что бояться здесь надо именно меня.

Ощутила себя главным монстром, посмеялась, и на душе полегчало. А то ведь закралась тайная мыслишка, что ледяные меня своим хладнокровием заразили и мое сердце медленно, но верно покрывается корочкой льда. Брр.

На размышлениях, стану ли я ледышкой или останусь прежней, меня прервали:

– Айрин, ты вещи забыла.

Через завал ловко перемахнул Сойка, кинул мне на колени мешок, следом бросил плащ.

– И твой завтрак, – Отшельник протягивал мне сверток с сухпайком, – пожалуйста.

Взяла, поблагодарила, и только потом до меня дошло, что вместо привычного: «Быстро ешь, сейчас выходим» – северянин сказал: «Пожалуйста». Подлизывается? Да пусть! Все равно не прощу!

– Мы торопимся?

– В целом да, – подтвердил Отшельник. – Будет неплохо, если ты перекусишь на ходу.

Вот, это уже знакомый разговор. Осталось только скомандовать: «Бегом!»

– Айрин, мы и так отстаем от графика. – Сойка отвлекся от разглядывания окрестностей.

– Ну так идите, я вас не держу. – И, пока северяне переваривали ответ, встала, забрала у Отшельника свой меч, а пакет с завтраком сунула в мешок.

– Айрин, как это понимать? – очень спокойно спросил Отшельник, а Сойка сделал страшные глаза, мол, что еще удумала?

– Все очень просто. У вас свои дела, у меня свои. Надо уходить – уходите, а я здесь должна разобраться.

– Должна? – От спокойного тона Отшельника меня мороз пробрал по коже, но отступление в мои планы не входило.

Я вспыхнула и, наверное, покраснела, сжала кулаки и шагнула вперед. Хотелось подпрыгнуть, стать выше, чтобы оказаться на равных с ледяным, но, увы, голову задирать приходилось мне, а не ему.

– Да, должна! Забыл, что я южанка? Эта тварь ходит по моей земле, убивает моих сограждан. Думаешь, я могу уйти и спокойно спать, зная, что каждая ночь вычеркивает из

жизни целую деревню?

Отшельник стоял молча, разглядывая меня так, словно увидел впервые. И это молчание раздражало еще больше. Лучше бы наорал, сказал «нет», а так орала я, окончательно срываясь.

– Да я лучше здесь сдохну, чем убегу, поджав хвост. Слышишь?

– Слышу, – кивнул он. – А я лучше свяжу тебя и потащу на себе, чем позволю так глупо закончить жизнь.

– Ах да! – саркастически улыбнулась я. – Это же любимая ваша практика – напоить снотворным, а затем спокойно работать за моей спиной. Я, между прочим, к вам в группу не напрашивалась, сами позвали. Так определитесь наконец, доверять мне или нет.

– Айрин, – поморщился Отшельник, – все было совсем не так.

– А как? – вздернула брови я. – Дорога сама случайно покрылась свежей кровью? Могли бы предупредить, а не устраивать шпионские игры.

– Айрин, мы поняли, раскаиваемся целиком и полностью, – дернул меня за рукав Сойка и соорил просительную гримасу.

– А с тобой, целитель, я отдельно поговорю.

– Айрин, нам действительно пора, – напряженно проговорил Отшельник.

– Ты меня не слышишь! – покачала головой я. – Понимаю, северным нет дела до бед южных. Пусть нас всех превратят в льолдов – тебе плевать. Лишь бы твоей страны это не касалось! Но я никуда не пойду, пока не разберусь с некромантом или, по крайней мере, не попытаюсь этого сделать!

И тут наш разговор неожиданным образом прервали:

– Прошу прощения, что вмешиваюсь в ваш жаркий спор.

Глава 10

Одним меньше, одним больше

На дороге стоял низенький, я бы даже сказала, плюгавенький черноволосый мужичок в длинном, заляпанном грязью халате, из-под которого высывались кожаные штаны и черные сапоги. Единственной чистой деталью его наряда был довольно дорогой платок из светлой шерсти, аккуратно повязанный на шею.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Группа 25/17. «Зима-мама».